

Виктор
Левашов

Третья
половина
жизни

Виктор Левашов

Третья половина жизни

«Accent Graphics communications»

2013

Левашов В.

Третья половина жизни / В. Левашов — «Accent Graphics communications», 2013

Все они уже умерли. Мы тоже умрем. Все. И от нашей жизни останутся никому не нужные книги. Но если мы их не напишем, не останется вообще ничего.

Содержание

Вместо пролога.	5
Часть первая	9
I	10
II	13
III	21
IV	30
V	33
VI	34
VII	37
VIII	40
IX	43
X	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Виктор Левашов

Третья половина жизни

*В общем-то нам ничего и не надо,
В общем-то нам ничего и не надо,
В общем-то нам ничего и не надо,
Только бы, Господи, запечатлеть
Свет этот мертвенный над автострадой,
Куст бузины за оградой детсада,
Трех алкашей над вечерней прохладой,
Белый бюстгалтер, губную помаду
И победить таким образом смерть.*

Тимур Кибиров

Вместо пролога. Возвращение из тундры

Они подходили к городу с северо-востока, двое, он и она, оставляя по правое плечо огромные плоские пространства тундры, обманчиво-мирные, поблескивающие в малокровном сентябрьском солнце, словно стерня. Слева разворачивались и нехотя отставали мелкие лесистые сопки Талнаха с далекими копрами над изломами рудного тела. Мощно, полукругом в треть неба вспухшие впереди бурые горы так же медленно расслаивались на увалы и кряжи, из сизо-дымных, предгрозового тона предгорий обособлялись городские строения, вначале крупные, соразмерные контуры гор – прямоугольные блоки плавильных цехов с короткими мощными трубами, потом всё более и более мелкие.

Вспыхнула дымным столбом и застыла над городом, справа от гор, ажурная телевышка.

Он вышагивал впереди, с механической размеренностью, не медленно и не быстро, заложив пальцы за лямки рюкзака, будто в проймы жилета, привычно спрямлял путь между круглыми озерцами. При поворотах солнце золотило щетину на его молодом, ровно и глубоко загорелом, безучастном лице.

Девушка держалась позади, не приближаясь и не отставая, шагах в шести за ним и на шаг в сторону, точно бы ей мешали смотреть тусклые стволы мелкокалиберной винтовки и карабина у него за спиной. Она шла налегке, но подавалась вперёд, как если бы плечи ей ломила тяжесть поклажи. Обвисли и не в такт покачивались руки с напушенными на пальцы рукавами темно-красного свитера, выпростанного из-под черного рабочего ватника. Лицо её, маленькое, смуглое, пепельно-серое от изнеможения, казалось ещё меньше между прикушенным воротом свитера и надвинутым на глаза козырьком такой же темно-красной вязаной кепки.

Всё отчётливее прорисовывались впереди городские кварталы, плотной каменной стеной вытянутые на равнине к западу от заводов, дом к дому, торец к торцу, океанским пирсом на кромке тундры, и у них словно бы закладывало в ушах. Шум города, сам ещё неявный, постепенно скрадывал привычные для них звуки, оглушительно громкие, потому что это были единственные звуки в высокой пустой тундре: стук литой резины их сапог о камни и землю, хлюпанье на болотах, хруст подмёрзшего мха. И это ощущение нарастающей глухоты, на первых порах обеспокоившее его и заставившее несколько раз оглянуться, говорило о близости цели, о конце их пути надежней, чем явственно различимые уже тени между домами и солнечные просветы улиц.

Стоял сентябрь, предзимье. Выпал ясный, чистый, холодный день. Тесно было на тротуарах, людно и оттого празднично на сходах в тундру. В просторный пролёт поперечного сквозного проезда они вошли, завершая широкую дугу своего маршрута, и каждый, кому попадались они на глаза, невольно оборачивался в ту сторону, откуда они появились, как бы пытаясь найти исток их движения и тем самым понять, кто они, какой печатью отмечены их лица, в стёртости которых сквозило нечто большее, чем физическая усталость.

Оттуда, с северо-востока, подкрадывались к городу режущие циклоны, оттуда напознала полярная ночь, вымораживая дороги, оттесняя к югу караваны судов.

Словно бы острую знобкость близкой зимы принесли с собой в мирный осенний город эти двое, размеренно прошагавшие обочиной тротуара и скрывшиеся в дверях гостиницы, развёрнутой тяжёлым фасадом на солнечный людный проспект.

Кого только не видывали в этом уютном фойе, тесном от аспарагусов и высоких китайских роз! С достоинством метрдотелей, с корректностью таможенников и с проницательностью, завидной для социологов, здесь каждый день быстро и безошибочно распределялись по шести этажам этого громоздкого старого здания пассажиры двух постоянных авиарейсов и всех дополнительных, включая теплоходные в короткие месяцы навигации: проектировщики, монтажники, заместители министров и сопровождающие их лица, субподрядчики, поставщики, учёные, фотокорреспонденты – весь разнокалиберный командированный люд, обычный для молодых, бурно развивающихся городов. И для каждого, кто бы ни подходил к черному пластиковому барьеру дежурного администратора, находилось (или вовсе не находилось), в полном соответствии с его значимостью, место в «люксах», «полулюксах», в номерах на двоих, на троих, на четверых и в общежитии на шестом этаже.

Лишь однажды затянутая в чёрный фирменный костюмчик дежурная допустила оплошность, приняв за известного полярного исследователя, приезда которого ждали со дня на день, облачённого в кожаную меховую одежду доцента Московской академии коммунального хозяйства, и поселила его в одноместном «люксе», хотя для него хватило бы обычного двухместного номера, даже без телефона. И в этот погожий осенний день именно ей досталось, услышав тройной стук дубовых дверей в тамбуре, а затем близкое, на мягком кресле возле барьера, звяканье железа о железо, поднять от рапортничек голову и увидеть этих двоих, от вида которых словно бы сквозняком полоснуло по открытому телу.

Им нужен был номер с ванной. Нужен! Да в таком виде вообще не заходили в гостиницу! С открытым оружием вообще запрещалось появляться в городе! Да...

Здесь всё было против правил. У них не было никаких командировочных удостоверений. В паспорте девушки стояла ленинградская прописка, а в паспорте молодого человека – штамп о прописке в одном из мужских общежитий города. Значит, ни о какой гостинице не могло быть речи. И наконец – у них были разные фамилии!

Документ, предъявленный им со злорадной, как ей показалось, усмешкой в ответ на её недоумение, не успевшее к счастью для них сформироваться в слова, окончательным выбил её из колеи.

На листке рыхлой бумаги, вырванном из какой-то амбарной книги, даже не на машинке, а от руки, четким почерком человека, привыкшего иметь дело с чертежами, значилось:

ВРЕМЕННОЕ СВИДЕТЕЛЬСТВО О БРАКЕ

Настоящим удостоверяется, что гр-н ХАЗАНОВ ИГОРЬ КОНСТАНТИНОВИЧ, инженер-геолог Гидрогеохимического отряда Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции, и гр-ка НОВИКОВА ОЛЬГА НИКОЛАЕВНА, студентка-практикантка Ленинградского государственного университета,

23 апреля с. г. вступили в брак, о чём в журнале радиограмм отряда сделана соответствующая запись.

Настоящее удостоверение, выданное мной на основании параграфа 26, часть IV «Инструкции по проведению геологоразведочных работ», подлежит при первой возможности обмену на соответствующее свидетельство ЗАГСа, а до того момента является официальным документом, подтверждающим факт заключения брака со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Начальник Гидрогеохимического отряда Щукин Андрей Павлович.

Свидетели:

Завхоз отряда, радист I – го класса Чесноков Иван Мартынович,

Рабочий-коллектор Задонский Григорий Петрович.

И вся эта филькина грамота, обладавшая вместе с тем какой-то жутковатой убедительностью, была скреплена жирным фиолетовым штампом.

Пока дежурная, уставясь в треугольник штампа, тщетно пыталась найти хоть какую-нибудь опору в своем богатейшем жизненном опыте, молодой человек, будто вспомнив что-то неприятное, но необходимое, потянулся к телефону (дежурная содрогнулась, увидев его руку с вьёвшейся грязью на белой пластмассе трубки), набрал номер.

– Соедините меня с Шубиным.

Подождал, неприязненно морщась. В трубке щелкнуло – бросил:

– Это Хазанов, мы в городе. – Помолчал. – Да, закончили... Нет, на велосипеде. Конечно, пешком. – Ещё помолчал. – Скажите в бухгалтерии, пусть привезут нам денег. Сколько-нибудь, в счёт моей зарплаты и полевых. Мы в гостинице, номер... Секунду! – Он нетерпеливо, требовательно взглянул на дежурную.

– Триста двадцать первый, – застигнутая врасплах его взглядом, подсказала она, хотя номер этот, двухместный, с ванной и телефоном, был оставлен после звонка из горкома партии для каких-то писателей из Москвы и хотя она вообще ещё не решила, как поступить в этой неожиданной ситуации.

– Триста двадцать первый, – повторил он и положил трубку.

За всё это время девушка не проронила ни слова, лишь коротко, досадливо повела головой, освобождая из-под свитера подбородок.

И как это часто бывает с людьми, попавшими в затруднительное положение, дежурная думала уже не о том, правильно ли её решение, а о том, почему оно правильное и как его реализовать. Но ведь в самом-то деле – не в мужское же общежитие им идти! Оформляя документы, она прикинула, что писателей для начала подселит в трёхместный номер на втором этаже, из которого с утренним самолётом на Красноярск убыли два снабженца, а потом переведёт в двухместный на четвёртом этаже, когда выедут специалисты ленинградского «Гипроникеля». Ничего, перебудутся. Неизвестно ещё, что это за писатели, а эти...

Что «эти», дежурная тоже не знала, но они были свои, причастные к городу, которому и она служила на своём ответственном посту. И она даже проводила их на этаж, в номер, а через полчаса, когда прикатил геологический «газик», вновь поднялась к ним с молоденькой девчонкой-курьером, сонной и глупой, не знающей ничего, кроме того, что ей было велено в бухгалтерии.

Эти двое, похоже, как вошли, так и с места не сдвинулись. Девушка неловко приткнулась в кресле. Прекрасные черные волосы, запущенные до невозможности, рассыпались по плечам, кепка рдела на подоконнике в заходящем солнце. Молодой человек прямо, как старик, сидел на стуле, расстегнув ватник и некрасиво, по-стариковски, положив на колени руки.

Выпроводив девчонку-курьера, дежурная замешкалась в коридоре у двери, услышала какое-то движение в номере и голос девушки – напряженный, с хрипотцой от простуды или от длительного молчания. Она сказала, будто каркнула:

– Вот мы и вернулись... Игорь...

Внизу дежурная ещё раз внимательно рассмотрела заполненные ими анкеты.

Ему было двадцать пять лет. Ей – двадцать два.

Дата вселения в гостиницу: 14 сентября 1967 года.

В графе «Цель приезда» в обоих листках стояло: «Жить».

Часть первая Бросовый ход

«При полевых изысканиях в отдаленных или малонаселенных районах руководитель геологического подразделения должен быть готов к тому, что он столкнется с необходимостью единолично решать не только административно-хозяйственные, но также этические, правовые и другие вопросы...»

Из «Инструкции по проведению геологоразведочных работ»

Источник – материалы Всесоюзной геологической конференции, проходившей в городе Норильске с 15 по 20 ноября 1969 года:

Начиная с 1955 года, в Норильском районе ведутся интенсивные поиски месторождений с повышенным содержанием цветных металлов в руде. Наиболее обнадеживающие результаты у геологов-буровиков Имангдинской партии, работающих в глубокой тундре, в ста двадцати километрах от Норильска.

Несмотря на это, обстановка на комбинате очень тревожная.

Проведенные расчёты доказывают: дальнейшая разработка старых норильских рудников, истощенных многолетней практикой, когда выбиралась только богатая руда, а всё остальное шло в отвал, экономически нецелесообразна.

В связи с тем, что увеличение выпуска цветных металлов из бедных руд месторождений «Норильск-1» и «Норильск-2» связано с непропорционально высокими затратами, разрабатывается решение о замораживании производства на прежнем уровне, что является первой стадией консервации всего производства. Положение усугубляется тем, что горно-металлургический комбинат имени Завенягина – единственное предприятие Норильска, тем самым на повестку дня ставится вопрос о дальнейшем существовании города с населением 100 тысяч жителей...

I

Эта история стала достоянием всего Норильска много раньше своего завершения. Правильнее даже сказать, что финал её, настоящий, а не тот, чем кончилась она для людей, усредненные суждения которых складываются в мнение «всего города», так и не попал в круг злободневных тем. Слишком мало у кого были причины связывать неожиданный отъезд из города ведущей актрисы местного драмтеатра Нины Уразовой с трагическим происшествием, случившимся полгода спустя в тундре, в ста двадцати километрах к северо-востоку от Норильска, на гидрологическом посту номер 14.

Пост обслуживали два человека: старший техник-гидролог Неверов Вадим Андреевич, двадцати восьми лет, русский, беспартийный, образование незаконченное высшее, ранее работал в Московском государственном университете имени Ломоносова на кафедре прикладной математики в качестве лаборанта, и рабочий-гидролог Эрик Саулис, тридцати одного года, в штате Гидрологической службы пятый год, судимостей в прошлом одна по статье 206 УК РСФСР (злостное хулиганство).

В подчинении Неверова находился ещё один пост, порядковый номер 15-й, также обслуживаемый двумя рабочими: пожилым тундровиком Иннокентиевым, известным всем гидрологам как Кеша, и двадцатипятилетним студентом-заочником Норильского индустриального института Фёдором Тереховым.

В отличие от поста номер 14, бревенчатой избы, одиноко торчавшей среди голых каменистых сопок на берегу речки Макус, 15-й пост, двадцатью километрами южнее, в среднем течении реки Имангды, был гораздо лучше приспособлен для жизни. Он размещался в посёлке геологов-буровиков, в 50-х годах проводивших здесь разведку месторождения медно-никелевых руд, в которых в то время остро нуждался Норильский горно-металлургический комбинат. После того как на Талнахе, всего в сорока километрах от города, было обнаружено мощное рудное тело с запасами меди и никеля настолько значительными, что сообщение об этом, как с гордостью говорили в Норильске, серьезно понизило котировки акций металлургических фирм Канады, надобность в разработке Имангды отпала, людей и ценное оборудование эвакуировали, а посёлок был законсервирован и забыт. Хорошо сохранившиеся бревенчатые и сборно-щитовые дома давали возможность размещать здесь практически неограниченные запасы продовольствия и снаряжения для работы зимой. Двадцатиметровая антенна, оставленная геологами, обеспечивала устойчивую радиосвязь с городом. Имангдинский пост, таким образом, фактически служил базой для поста на Макусе, где жил Неверов, точно так же как норильские пакгаузы в районе местного аэропорта Валёк были базой для сорока с лишним гидрологических точек, разбросанных по тундре Таймырского полуострова вплоть до берегов Ледовитого океана.

Связь между 14-м и 15-м постами осуществлялась два раза в сутки, утром и вечером, по рации.

Утром 23 марта, накануне происшествия, с центральной рации Норильской Гидрологической службы сообщили на Имангду, что завтра в первой половине дня к ним придёт вертолёт с почтой, продуктами и новыми метеорологическими приборами. В тот же день, извещенные Иннокентиевым, Неверов и Саулис провели вечерние метеонаблюдения по обычной программе и пришли на лыжах на Имангду с тем, чтобы переночевать здесь и встретить затем вертолёт.

Это был первый транспорт после четырёхмесячного перерыва на зимний период, когда пурги и полярная ночь прерывали всякое сообщение постов с городом. Как явствовало из показаний свидетелей, весь этот день и следующий Неверов был настроен весело, участвовал в раз-

говорах и охотно отзывался на шутки. Такое же праздничное настроение было у всех, потому что зима, самое трудное время для жизни на постах, практически была уже позади.

Вертолёт Ми-8, арендованный Гидрологический службой, приземлился на Имангде в начале второго, простоял тридцать минут под разгрузкой и вернулся в город. Двумя часами позже Неверов уложил в рюкзак часть присланных продуктов и книги (список прилагается) и на лыжах отправился на Макус, чтобы провести вечерние метеонаблюдения. Саулис остался в посёлке на Имангде, так как, по его словам, выпил слишком много спирта и идти не мог. Он должен был возвратиться на другой день и привезти на собаках остальной груз.

Выходил ли Неверов 24-го марта на вечерний сеанс связи, неизвестно. Люди, оставшиеся в посёлке, были пьяны и ничего утверждать не могли. На следующее утро, несмотря на вызовы с Имангды, 14-й пост не отвечал. Это не вызвало беспокойства, график связи между постами выдерживался не слишком строго. Неверов мог уйти на ближние озера за рыбой, просто проспать или, если вблизи поста обнаружился свежие оленьи следы, пуститься за стадом. Мысли о несчастном случае в пути тоже ни у кого не возникло. Неверов хорошо знал дорогу, шёл налегке, был вооружён карабином, к тому же погода стояла солнечная и безветренная, а мороз не превышал двадцати градусов.

Первые признаки тревоги рабочие на Имангде обнаружили лишь 25-го марта, когда Неверов вновь не вышел на связь. Оставив Терехова в посёлке и велев ему никуда не отлучаться от рации, Иннокентиев и Саулис отправились на 14-й пост, ведя с собой в упряжке четырёх собак с нартами, груженными продуктами, запасными батареями для рации и присланными с базы приборами для замеров расходов воды в Макусе в период весеннего паводка. Из-за груза дорога заняла вдвое больше времени, чем обычно. Добравшись наконец до поста, Иннокентиев и Саулис обнаружили Неверова в единственной комнате дома: в верхней одежде, без шапки, как бы спавшего за столом.

Крупная рана в голове свидетельствовала о том, что он мертв.

На полу слева, в полуметре от него, валялся карабин. Шапка висела на обычном месте в углу.

Не притрагиваясь, по совету Саулиса, ни к каким предметам, Иннокентиев связался с постом на Имангде и приказал Терехову немедленно сообщить о случившемся в Норильск. После чего они, не желая оставаться на ночь в одном доме с мёртвым телом, вернулись в посёлок, где и дождались вертолёта со следователем и судмедэкспертом.

Как показало расследование, причиной смерти Неверова стал выстрел, произведенный из охотничьего карабина выпуска 1954 года, заводской номер 16337, следующим образом. Неверов вбил в левый край стола, в столешницу сбоку, 60-миллитровый гвоздь, затем вдел в него скобу карабина так, что спусковой крючок мог быть приведен в действие смещением ствола вправо, на себя, по отношению к месту, на котором находился Неверов. После чего он, сидя за столом на длинной деревянной лавке, обычно с этой стороны стола и стоявшей, приставил ствол карабина к виску и произвёл выстрел. Пуля пробила черепную коробку насквозь, от левого виска к правому. Остатки пули на излете вошли в бревно над оконной рамой, откуда были извлечены следователем.

Согласно показаниям рабочих Саулиса, Иннокентиева и Терехова, гвоздь в столешницу был вбит перед выстрелом самим Неверовым. Прежде этого гвоздя не было и необходимости вбивать его в такое неудобное место, где он цеплялся бы за одежду, не возникало.

Судя по расположению предметов в комнате, по отпечаткам пальцев Неверова на ложе и стволе карабина, здесь имело место неосторожное обращение с оружием либо самоубийство.

Возможность участия в произведении выстрела кого-нибудь из рабочих-гидрологов, постоянно проживающих на 14-м и 15-м постах, исключалась, о чём говорили хорошо сохранившиеся следы на снегу возле дома, соответствующие их показаниям. Вмешательство посторонних лиц также было исключено, так как посты находились в труднодоступном ненаселен-

ном районе, а по сведениям службы перевозок Норильского аэропорта местных линий в эту местность никто, кроме обслуживающего персонала постов, в продолжение более полугода до происшествия не доставлялся.

Сопоставив выводы судебно-медицинского обследования, показания свидетелей, данные осмотра места происшествия и окрестностей, следователь Норильской городской прокуратуры пришёл к заключению о правомерности квалификации этого случая как самоубийства по личным мотивам. Версия о неосторожном обращении с оружием не могла быть, по его убеждению, принята во внимание, учитывая, что выстрел, ставший причиной смерти Неверова, был произведен способом, прямо указывающим на сознательное стремление погибшего этот выстрел произвести.

Такой вывод не мог быть поставлен под сомнение и тем обстоятельством, что на столе перед Неверовым находились ветошь, ружейное масло, шомпол и другие предметы, употребляемые при чистке и смазке оружия. По общему мнению обитателей постов Неверов при обращении с оружием был осторожным и предусмотрительным человеком, а в момент происшествия находился в трезвом рассудке.

Наличие указанных предметов, а также то, что Неверов не оставил посмертной записки, обычной в случае самоубийства по личным мотивам, могло свидетельствовать о нежелании погибшего придавать огласке подлинные обстоятельства своей смерти. Что по рекомендации следователя и было учтено при официальном уведомлении руководства Гидрологической службы и должно было впредь учитываться при ответах на запросы заинтересованных лиц. Обслуживающий персонал постов также был предупреждён о том, что при обсуждении происшествия с сослуживцами желательно выполнять косвенно выраженную волю погибшего и причиной смерти Неверова называть неосторожность при чистке оружия.

Все результаты расследования были надлежащим образом запротокколированы, после чего следователь дал разрешение на захоронение погибшего. Тело Неверова было перевезено на Имангду и похоронено в присутствии следователя, судмедэксперта и всех рабочих-гидрологов на вершине сопки с географической отметкой «57,6» возле триангуляционной вышки.

В связи с отсутствием близких родственников и каких-либо сведений о родственниках дальних личные вещи погибшего были оставлены рабочим-гидрологам, а заработная плата Неверова за шесть месяцев его работы в тундре, составившая, за вычетом стоимости питания, 574 рубля 28 копеек, была депонирована бухгалтерией Гидрологической службы до востребования возможными наследниками.

За двенадцать с половиной месяцев, минувших со дня смерти Неверова, требований на депонированную сумму не поступало.

II

Таким было содержание серой картонной папки, лежащей перед Николаем Тихоновичем Егоровым, старшим следователем Норильской городской прокуратуры.

Среднего роста, несколько рыхловатого сложения, с круглым простоватым лицом, он из тех людей, внешность которых, сформировавшись годам к двадцати пяти, в дальнейшем почти не меняется, пока дряхлость не начнёт подступать изнутри, как труха, подтачивающая фасад крепкого с виду дома. Ему сорок один год. Тяжелый темный костюм, серая шерстяная рубашка, не требующая галстука, черные меховые ботинки, в каких зимой ходила добрая половина Норильска (город снабжался такими ботинками по спецзаказу), – всё выдаёт в нём человека, которого мало заботит впечатление, производимое им на окружающих.

Работа, связанная с расследованием преступлений, придала чертам его лица некоторую жесткость, свойственную людям, облеченным властью над другими людьми. Но и при этом, прочитав однажды в каком-то детективе, что следователь должен быть незаметным, Егоров отметил, что полностью отвечает этому требованию.

Наблюдение это оставило его равнодушным. Ему, старшему в большой семье фрезеровщика одного из свердловских заводов, погибшего в последний год войны, никогда не приходилось особенно пристально разглядывать себя в зеркало. Пора, когда зеркало мучительно-властно входит в жизнь подростка, выпала на первые послевоенные годы с постоянными заботами о карточках на хлеб и жиры, с ночными стояниями в промерзших очередях, с беспокойством об угле, который собирали, а при случае воровали на станции Свердловск-товарный, потом пошла работа в депо и вечерняя школа. Лишь в воспоминаниях о первом курсе учёбы в университете сохранилось слабое ощущение сладко-саднящей боли от рассеянных взглядов сокурсниц на студенческих танцах с их волнующей атмосферой приглушенных огней и вздохами необычных, остроновых по тем временам саксофонов.

Но и это длилось недолго. Как ни изворачивалась мать в поисках приработков к скудной зарплате воспитательницы детского сада, всё же пришлось Егорову перейти на заочное отделение. Служебные обязанности рядового милиционера, а позже сотрудника уголовного розыска в сибирском городе, наводнённом после большой амнистии 1953 года всяческим разнолюдем, окончательно вывели его из круга жизни, где имеет значение равнодушный или заинтересованный девичий взгляд, и одновременно – из круга сверстников, будущих юристов, азартно, с присущей атмосфере тех лет остротой, утверждавших в полуночных спорах в студенческих общежитиях свои взгляды на жизнь.

Призыв к бескомпромиссному служению правосудию, с традиционной торжественностью прозвучавший в университетском актовом зале при вручении дипломов, нашёл в выпускнике заочного отделения юрфака хорошо подготовленную почву. Понятие долга было привито ему всей его жизнью – долга перед сестрой и двумя младшими братьями, невольно делившими тяжесть его учёбы, перед матерью, беззаветно выполнявшей наказ отца вывести ребятишек в люди, перед товарищами по работе в опергруппе, где простое уклонение от своих обязанностей могло обернуться предательством, перед женой, наконец, Машей (он познакомился с ней после ранения в госпитале, она работала там медсестрой) и перед двумя дочками, которых Егоров любил с обострённым, несколько даже болезненным чувством.

Возможно, понимания долга в рамках житейской привычки к добросовестному труду и достало бы Егорову на многие годы, если бы не переезд в Норильск. Город этот, возникший за Полярным кругом в зоне вечной мерзлоты за несколько лет до войны первоначально в виде бараков вокруг маломощных рудников и плавильных цехов, призванных хотя бы отчасти восполнить дефицит никеля, необходимого для изготовления танковой брони, в середине 50-х

годов начал бурно строиться и испытывал, в соответствии с размахом строительства, острую нужду в специалистах всех профилей, в том числе и в квалифицированных юристах.

Не без колебания согласился Егоров на перевод в Норильск, манившим северными льготами и пугавшим климатом, жестоким даже в сравнении с далеко не мягким Уралом. Но нужно было помогать деньгами сестре, поступившей в пединститут, братьям, заканчивающим школу, и одновременно было стремление устроить дочерям и жене счастливую или хотя бы безбедную жизнь, как бы в благодарность за их любовь и покой, которые Егоров неизменно находил дома после трудных дежурств.

Близкое знакомство с Норильском произвело на Егорова сильное впечатление. Ещё в Свердловске, в управлении, когда рассматривал карту страны, словно бы повеяло сквознячком, до озноба, от мелких черных названий, рассыпанных по всему Заполярью: мыс Горький, залив Ожидания, остров Горький, мыс Справедливости, многочисленные Надежды – озёра, плато, крошечные посёлки. А между ними, разделенные тысячами километров, чернели названия покрупнее: Воркута, Норильск, Магадан. С названиями этих городов связывались самые мрачные страницы новейшей истории, в истоках их тесно переплеталось героическое и трагическое: подвижничество первооткрывателей, полярных исследователей и возведенная в ранг закона несправедливость, фанатизм руководителей и подневольный труд миллионов людей. И хотя Егоров знал всё это и по рассказам, и по не успевшим ещё пожелтеть газетам, ощущение, которое он испытал в первые дни в Норильске, было сродни чувству острой причастности к бедам страны, что пронзает человека при больших, важных для всего народа событиях.

Ничего в разворочённом, изрытом строительными траншеями городе, каким Егоров летом 1959 года увидел Норильск впервые, не напоминало о прошлом. Кроме разве что пеньков на окраинных пустырях от сосен и лиственниц, сведенных некогда на бараки. Пеньки были равномерные, высотой и по полтора метра – пилили снежной зимой. Кроме тюрьмы для подследственных в Каларгоне, сверкающей белеными дощатыми заборами и бараками в голой тундре на трассе однопутной железной дороги Норильск – Дудинка, не было даже обычных исправительных учреждений, уместных в быстро растущем промышленном городе. Осуждённых даже на короткие сроки вывозили «на материк», в центральные районы, в навигацию теплоходами по Енисею, а зимой обычными пассажирскими самолётами. Это, конечно, удорожало себестоимость отправления правосудия, но, видимо, не настолько, чтобы город не мог себе этого позволить.

Лагерные зоны, покрывавшие, словно коростой, всё пространство тундры вокруг заводов, были уже разрушены и сожжены. Отстраивался центр города из многоэтажных домов, плотно скомпонованных вокруг пятка Гвардейской площади. Из неё вытекали улица Севастопольская и Ленинский проспект, в облик которых мирно уживались все архитектурные веяния – от громоздких, словно комоды, старых зданий на скальных фундаментах, до краснокирпичных многоподъездных домов, приподнятых над землей на сваях, замороженных в вечную мерзлоту.

По ночам с окраин тянуло гарью – жгли бараки. Кольцо деревянных посёлков, с которых начинался город, истаявало, как снег под весенним солнцем. От чадящих кострищ ползли грузовики с убогой мебелью, вязли в глине новых дворов, навстречу им из города без сирен и спешки катились красные машины пожарников.

Появились первые «Буратино» и «Гвоздички» – детские сады, отделанные с трогательной и даже несколько вызывающей щедростью. Витрины Ленинского проспекта начали пестреть всевозможными «Ладами» и «Северными сияниями» – магазинами и столовыми, которые словно бы спешили убрать со своих вывесок порядковые номера, по которым они ещё вчера различались. С вершины окраинного холма потянулись, вращаясь в низкое небо, ажурные фермы телевизионной вышки, а рядом, на соседнем холме, из ряби арматуры всё отчетливее прорисовывался купол плавательного бассейна.

Но по мере того, как осваивался Егоров на новом месте и среди новых людей, по мере того, как привыкал к чередованию летних дней, слипающихся в один бессонный ком, и бездонных полярных ночей, ощущение, опалившее его при первой встрече с Норильском, не исчезало.

У каждого человека есть свой предел мечтаний и устремлений. Старик, мирно доживающий дни, часто глубже и значимей себя в молодости и в зрелом возрасте, потому что предел его мечтаний уже не ограничивается служебным преуспеванием или семейным довольством. Он связан, не сознавая того, со всем мирозданием и вечным круговоротом природы. Так человек на войне, не важно, генерал или рядовой, значительнее себя в мирной жизни, личные его устремления неотрывны от устремлений всего народа. Точно так же любой человек, в сферу служебной деятельности или духовной жизни которого входят интересы не одного-двух, а многих людей, такой человек всегда глубже и значимей того, кто ограничивает себя рамками конкретных целей. При этом неважно, насколько реально практическое влияние человека на жизнь других людей, важно лишь, что это входит в круг его жизненных интересов не как средство придать себе значительности, а как сущее, неотрывное и естественное для него.

В то первое бессонное лето Егоров принял Норильск, весь, целиком, с новыми фундаментами и с не успевшей ещё истлеть колючкой лагерных зон, вдавленной бульдозерами в ржавую грязь тундры, принял как данность, как судьбой назначенный долг, а дальнейшее зависело от него, от его жизни, вплетенной в жизнь города.

Отсюда проистекало чувство значительности, производимое Егоровым на окружающих. Подобно тому, как бывают люди, равные своим поступкам и разговорам, или даже по масштабу мельче собственных дел, так и Егоров был крупнее того, что он делал и говорил. При всей своей простоватости он был не из тех, кто исчерпывается до дна в первых же разговорах. Даже за его природной неторопливостью и немногословной доброжелательностью люди угадывали нечто большее, чем то, что может быть легко выражено словами.

Некоторая суховатость, появившаяся в его характере уже в Норильске, было воспринята новыми сослуживцами как должное. Накопленный опыт и давняя привычка видеть правильность своей жизни в точном и добросовестном исполнении своих обязанностей, всегда дававшая Егорову гарантию душевного равновесия, быстро выдвинула его в норильской прокуратуре, как и раньше в Свердловске, в ряд людей, несущих основную нагрузку в любом деле, без срывов и яркого блеска, создающих благоприятный фон для успешных исканий более дерзновенных коллег и надежно страхующих дело при неудачах. В праздничных застольях, вместе с женой, под стать ему доброжелательной и легко смущающейся уральской казачкой с тонким смуглым лицом и короткими черными волосами, он представлял собой всю ту же категорию людей, которые, как и в работе, создают благодатный фон для остроумцев и заводил. Они не из тех, кого спешат пригласить в первую очередь, но кого нельзя не позвать, если хочешь создать ощущение полнокровности праздника.

И вот он сидит в своём небольшом кабинете, старший следователь Николай Тихонович Егоров, похожий скорее на озабоченного годовым отчётом бухгалтера, чем на ответственного работника прокуратуры, машинально постукивает пальцами по картонной папке и рассеянно, с неприязнью, поглядывает в окно.

В кабинете он не один. Рядом, пристроившись на краю стола, стремительно строчит в блокноте, делая выписки из пухлого тома следственных материалов, молодой человек с тусклым, словно бы неумытым лицом, в сером пиджачишке, с галстуком под ковбойку и в таких же тускло-чёрных, как и у Егорова, ботинках.

Этот молодой человек – Павел Волчков, корреспондент норильского телевидения, «Паша», как его ласково называют в очередях. И внешне, и по складу мышления он не более притязателен, чем любой из обладателей черных меховых ботинок и таких же стандартных

овчинных тулупов с брезентовым верхом (их тоже партиями завозили в Норильск по спецзаказу). Его еженедельные выступления в субботней программе всегда посвящены внутригородским делам – движению автобусов, работе магазинов, недостаткам в снабжении. Темы эти близки и понятны каждому, поэтому Волчков гораздо популярнее в городе, чем другие тележурналисты, подражающие высоколобым обозревателям московского телевидения, передачи которого идут по системе «Орбита».

– И эта сюда попала, надо же! – вполголоса комментирует он свои записи. – А папато у неё!.. Опять управление торговли. А я, дурак, пять лет уродовался, пока получил свой диплом!..

Документы, из которых Волчков делает выписки, – материалы следствия по делу группы жуликов, которые торговали фиктивными дипломами институтов и справками об успешной сдаче экзаменов и зачётов (такие справки нужны заочникам, чтобы производство оплатило расходы на дорогу и учебный отпуск). Клиентура мошенников оказалась настолько обширной, что всё расследование заняло больше трёх месяцев, а судебный процесс целую неделю давал обильную пищу толкам и пересудам.

Этому процессу Волчков и собирается посвятить субботний комментарий. Из следственных материалов он выписывает фамилии «потерпевших», не упомянутых на суде или упомянутых вскользь. Материалы предоставлены в его распоряжение Егоровым по указанию прокурора. И хотя самому Егорову это дело обрыдло до последней степени, он терпеливо отвечает на вопросы Волčkова, разъясняет ссылки на статьи Уголовного кодекса, затем его взгляд вновь обращается к окну.

Начало апреля. По календарю – второй месяц весны. В просвете между темно-красными блоками соседних домов сверкает замороженный льдистый наст. Вдалеке, на горизонте, из снежной равнины прорастают каменистые отроги Хараелаха, где-то там, за мертвящей стылостью плоскогорья – Имангда, Макус, 14-й и 15-й гидрологические посты.

Щедро залитый солнцем город и люди, пробегающие по тротуарам в шубах с поднятыми воротниками и в надвинутых на глаза шапках, густые выхлопы машин, тотчас сносимые резким ветром, застарелая куржа на оконных карнизах, – всё это Егорову давно привычно. Но одновременно, как и у всех северян, это полнокровное апрельское солнце невольно вызывает в памяти мягкие весенние дни материка с утренней капелью, с цветением вербы в синих вечерних тенях. Не то чтобы тоскливость, но что-то похожее на чувство обделенности рождает у Егорова обманчивая ласковость этих дней. В Ялту бы такое солнце, думает он (там уже неделю отдыхает его жена с дочками), а вот поди ж ты, пишет жена, дожди...

– Всё. Ну, выдам я им! – Волчков кидает авторучку в нагрудный карман пиджака и с треском захлопывает блокнот. – В субботу, семь тридцать, – напоминает он. – Мы тут подсняли синхрон с вашим прокурором. Экземпляр этот ваш Ганшин! Он угостил меня чёрным кофе. Прокурор с чашечкой кофе, никогда такого не видел. Знаете, чего ему не хватает? Котенка. Чтобы он держал его на коленях и поглаживал, говоря на предмет преступлений и прочих разных вопросов!

Волчков намеренно употребляет неправильные обороты, он разнообразит язык, обиходный и поднадоевший инструмент свой профессии, как шоферы иногда оплетают руль яркими проводками, а слесари вытаскивают рукоятки отверток из набора цветных пластмасс.

– А ты много прокуроров видел? – интересуется Егоров, усмехнувшись меткости замечания. И тут же гасит усмешку, он не намерен обсуждать с Волчковым своего начальника.

– Сказать по правде, вообще не видел, ни одного, – признается Волчков с простодушием, подкупающим в его передачах. – И ожидал, что у прокуроров зад – как бы это лучше сказать? – пошире. А вообще-то он вроде бы ничего. Сам позвонил, предложил интересную информацию. Даже поворот подсказал. Прикинуть по этим вот спискам, в какой организации больше тщеславных дамочек, которые не мыслят себя без верхнего образования.

– Кому позвонил – директору студии?

– Мне – персонально. «Павел Филиппович, не посетите ли вы меня как-нибудь на досуге?» «Как-нибудь на досуге!» Конечно, я сразу всё бросил и прикатил. А директору что, сам прокурор дал материал. С него и спрос, если что будет не так.

Несмотря на иронию в тоне Волчкова, чувствуется, что внимание прокурора ему польстило.

– Между нами, Николай Тихонович, это правда, что ваш Ганшин копает под Трушкина?

Егоров молча пожимает плечами, давая понять, что если у прокурора в самом деле есть какие-то счёты с начальником управления торговли, то его это мало интересует.

– Что ж, похоже, что он своего добьётся. Слухи, – объясняет Волчков. – Только слухи. На бюро горкома партии меня не приглашают, рылом не вышел. Но есть у меня некоторых соображений, что так оно и будет. Некоторых неофициальных соображений. Ну, спасибо вам за этих вопросов!

Волчков упаковывается в тулуп и исчезает. Егоров переносит со стола в шкаф папки следственных материалов, место которым теперь в архиве. Глядя из окна, как внизу разворачивается грязно-зеленый «уазик» телестудии, некоторое время думает над словами Волчкова.

Ганшин фигура, действительно, необычная для такого поста, как прокурор города. Тем более в Норильске, где из-за удаленности от Красноярска и Москвы гораздо весомее роль каждого из звеньев, составляющих громоздкий, одновременно взаимодействующий и взаимообор- ствующий механизм городского управления.

Тридцать семь лет, спортсмен, эрудит, остроумец того образца, что начал штамповаться столичными ВУЗами в середине 50-х годов, когда, поотстав от сверстников, заканчивал своё образование и Егоров. Говорили, что после окончания Ленинградского университета Ганшин работал на материке, где-то в Ставрополье, недолго. В Норильске начинал следователем по особо тяжким преступлениям, следователем, по отзывам, был неплохим. Он был известен в городе как лектор-международник с острым, порой даже слишком своеобразным пониманием многих проблем, как человек с корнями дружеских связей в среде инженерной и творческой интеллигенции гораздо более прочными, чем среди партийных работников и руководителей городских организаций.

Люди его склада и возраста, с их вызывающими очками в тонкой золоченой оправе, с их склонностью к иронии, с их грубой вязки свитерами, верность которым они сохранили со студенческих лет, такие люди давно уже были привычными для Норильска в кабинетах начальников цехов, проектных и конструкторских групп, даже в роли главных инженеров заводов и рудников. И всё же назначение Ганшина прокурором, формально произведенное краем, а фактически по предложению с места, было воспринято в кругах, причастных к таким событиям, как случайность, курьёз, кем-то найденный временный выход из противоречиво сложившейся ситуации.

Но довольно скоро все почувствовали, что маховики механизма, регламентирующие жизнь города, обладают слишком большой инерцией, чтобы можно было приостановить их движение, а тем более повернуть вспять. Время шло, Ганшин прочно обосновался в своём просторном кабинете с окнами, выходящими на Гвардейскую площадь, и покидать его, судя по всему, не собирался. И уж во всяком случае, он не производил впечатления человека, понимающего временность своего положения.

С его назначением роль прокуратуры в жизни города, этого небольшого реле, скрытого от стороннего наблюдателя в глубине механизма, не стала более явной, но в самой прокуратуре живо ощутились новые веяния. Для начала с легкой руки Ганшина прокуратура, а потом суд и милиция приобрели репутацию мест, приличных для отбывания двухгодичной трудовой повинности, в те времена необходимой после окончания школы для поступления в институты. Штаты младшего технического персонала, всегда неполные из-за низкой зарплаты, быстро

заполнились девушками из материально обеспеченных семей, каких в Норильске при осязанных северных льготах было немало. На лестничных площадках и в кабинетах курили, кокетничали с лейтенантами и сплетничали по телефонам юные конторщицы в мини-юбках. Они же в свободное от этих занятий время рассылали повестки и в меру навыков, полученных на школьных уроках русского языка, вели протоколы судебных заседаний.

Другое было серьезней. Начиная расследование, особенно по делам, где затрагивались интересы влиятельных в городе лиц, теперь далеко не каждый следователь мог быть уверен, что от прокурора не поступит распоряжение прекратить дело или повернуть следствие в другое русло. При этом о причинах таких распоряжений можно было только догадываться. Такой стиль работы большей частью сотрудников расценивался как непоследовательность, а меньшинством, как и всегда наиболее горячим, как непринципиальность и угодничанье перед мнением «всего города».

Егоров сочувственно относился к недовольству коллег, которым по приказам Ганшина, обычно имевшим форму товарищеского совета, приходилось перестраиваться или ограничивать круг расследования. Но по привычке делать выводы на основании фактов, а не слухов, с собственной оценкой прокурора не спешил. Что бы там ни говорили, а у него пока не было к Ганшину никаких претензий. Больше того, это последнее дело о торговле дипломами только благодаря прокурору получило больший резонанс, чем просто дело о мошенничестве. Егоров не вдавался в причины, которыми руководствовался Ганшин, но такой подход к следствию, при котором выявляются не только основные, но и побочные аспекты преступления, его устраивал.

Вместе с тем, если имели почву принесенные Волчковым слухи о взаимоотношениях Ганшина с начальником управления торговли Трушкиным (а какая-то доля истины в словах Волчкова была), этого нельзя было оставлять без внимания. Будучи человеком гораздо более опытным, чем молодой журналист, Егоров без труда определил направление удара, который наметил прокурор, давая Волчкову внешне невинный совет: подсчитать по спискам «потерпевших» от жульничества с дипломами, в какой из организаций больше «тщеславных дамочек». Возможно, из-за тщеславия, а вернее потому, что среди завмагов и продавщиц у мошенников было больше знакомых, но управление торговли в таком соревновании получало первое место. Вряд ли обнародование этого могло серьезно повредить Трушкину. Извлекаемый отсюда вывод о недостатках воспитательной работы с кадрами был явно не из тех, что приводят к освобождению человека от занимаемой должности. Тем более руководителя такого масштаба, одного из старожилых Норильска и самых влиятельных людей в городе. Больше двадцати лет Трушкин возглавлял управление торговли Норильского комбината, под его руководством обеспечивалась доставка в навигацию ежегодно более миллиона тонн грузов, необходимых для того, чтобы одевать и кормить зимой стотысячный город.

Всё правильно. Но если у кого-то были причины добиваться устранения Трушкина от дел и если этот или, вернее, эти кто-то имели весомый голос в управлении комбината, в горкоме партии или в горисполкоме, телепередачу такого плана не следовало недооценивать. В общем, если всё это так, а на это было очень похоже, то и он, Егоров, невольно оказался втянутым в эту борьбу.

Над этим следовало серьезно подумать. Он не любил, когда его руками делают дело, конечных целей которого он не понимает.

Егоров возвращается к столу и раскрывает папку с материалами о самоубийстве старшего техника-гидролога Неверова на посту № 14. Эту папку принесли ему утром от прокурора с просьбой ознакомиться и высказать своё мнение.

Больше года она пролежала в архиве. Документы в ней успели спрессоваться, пропитались специфическими запахами больших хранилищ, запахами пыли и беды (так иногда кажется Егорову), но подсохли только с краёв. Середина листов свежа, строчки кажутся напи-

санними только вчера, и это немного мешает Егорову определить своё отношение к делу, как трудно бывает сделать заключение о недавнем происшествии не потому что картина происшествия неясна, а потому что в любой момент могут поступить новые сведения, меняющие местами причины и следствия.

Снова, не торопясь, уже второй раз перебирает Егоров листки из папки.

Протокол осмотра места происшествия.

Заключение судмедэксперта. (Егоров выделяет фразу: «Признаков алкогольного опьянения не обнаружено»).

Показание рабочих-гидрологов.

«Личное дело» Неверова из отдела кадров Гидрологической службы, листок по учёту кадров с фотографией 3 на 4.

Егоров приостанавливает движение руки. Длинные темные волосы, молодое, ничем не примечательное лицо с правильными чертами и застывшим, как и на большинстве таких снимков, выражением скованности и словно бы недовольства.

Полстраницы врезанных шариковой ручкой в бумагу строк – автобиография по неизвестно кем и когда составленному шаблону:

«Родился в 1938 году в Москве в семье служащих.

Отец, Неверов Андрей Иванович, по образованию педагог, работает директором школы.

Мать, Неверова Варвара Степановна, по образованию экономист, служащая Госплана РСФСР.

В 1958 года, после окончания средней школы, поступил на физико-математический факультет МГУ им. Ломоносова, с четвертого курса был отчислен за академическую неуспеваемость, после чего работал лаборантом на кафедре математики вплоть до отъезда в г. Норильск.

Беспартийный, правительственных наград не имею, под судом и следствием не состоял, гражданских прав не лишался».

Список личного имущества.

Разрешение милиции на хранение и ношение огнестрельного нарезного оружия, фиолетовый штамп: «Без права охоты».

Свидетельство о смерти.

Все документы составлены с обстоятельностью, которую ценит Егоров, он с уважением думает о следователе, который вёл это дело. Жаль, что он перевёлся на материк, с ним полезно было бы поговорить.

Да, всё убедительно. И всё-таки чего-то Егорову не достаёт, ощущение какой-то незавершенности не оставляет его. Но он отдаёт себе отчёт в том, что это ощущение может возникать от того, что к этой архивной папке по каким-то причинам привлечено особое внимание. А при пристальном рассмотрении любой факт, даже самый бесспорный, может казаться подозрительным.

Раздаётся телефонный звонок. Секретарша прокурора ледяным тоном сообщает, что следователя Егорова вызывает Вячеслав Николаевич Ганшин. Она не знает причины вызова, но если бы Егорова ожидали неприятности, это доставило бы ей гораздо больше удовольствия, чем неприятности любого другого сотрудника, всегда вносящие приятное разнообразие в жизнь девиц из приёмных. Её тон – следствие давнего выговора, который он сделал ей из-за хамской манеры разговаривать с посетителями.

Егоров завязывает тесемки папки и выходит из кабинета. Пристукивая папкой по колену, идёт серыми коридорами здания, вместившего прокуратуру, суд и милицию, этого каменного первенца Норильска с метровой толщины стенами, с недостижимыми потолками. Из-за дверей доносятся телефонные звонки, дробь пишущих машинок, проходят сотрудники, озабоченные и беззаботные, на ходу обмениваясь приветствиями и новостями. Прокуратура живёт в обыч-

ном ритме, перерабатывая свою долю отходов стотысячного города, в котором преступления и нарушения законов вполне в рамках нормы.

При появлении Егорова в приёмной секретарша вытягивается на стуле, как при команде «смирно», одновременно безуспешно пытается натянуть край юбки на свои вызывающие коленки.

– Вячеслав Николаевич занят, он разговаривает по телефону, – извещает она, но лишь пожимает плечами, когда Егоров, сухо кивнув в знак того, что принял её слова к сведению, проходит в кабинет прокурора.

III

Вячеслав Николаевич Ганшин, прокурор города Норильска, занят, он разговаривает по телефону.

Удобно вытянувшись, точно в шезлонге, в рабочем кресле, слишком просторном для его сильного сухощавого тела, изредка перемежая речь собеседника любезными «э-э, разумеется» и «э-э, благодарю», он в то же время словно бы любитяся рантом своих меховых ботинок, не оставляющих никаких сомнений, к большей или меньшей части Норильска относится его прокурор: ботинки импортные, добротные, с матово поблескивающими носами.

Любой человек, застигнутый посторонним, а тем более подчинённым, за телефонным разговором явно не служебного свойства, постарается перенести его на другое время или хотя бы придать репликам видимость официальности. Оглянувшись на стук двери, Ганшин жестом предлагает Егорову входить и располагаться, но не меняет ни позы, ни выражения светской любезности на обветренном лице со следами свежего загара от первых весенних лыжных вылазок в тундру.

Егоров кладёт папку на стол и отходит к окну. Щурясь от обилия солнечного света, обегает рассеянным взглядом ломаный очерк предгорий Шмидтихи и Надежды, источенных штреками, облепленных крытыми галереями и террасами вскрышных отвалов. Западные склоны гор словно бы раскалены, восточные затягивает мутная предвечерняя синь. Бесконечным потоком втягиваются в неё самосвалы, натужно одолевающие подъём, встречные машины без задержки, как детишки на санках, скатываются по широкой бетонке к парующему от сбросов ТЭЦ озеру Долгому, оставляя позади вспышки сварки, движение электровозов на маневровых путях, неторопливо вспухающие и так же неторопливо тускнеющие зарницы шлаковых сливов.

Конец дня, солнце насквозь простреливает проспект, обрывающийся, как морской пирс, на кромке тундры. Причаливает электричка с запада, из нового аэропорта «Алыкель», прихватывающая по пути закончивших смену шахтеров Кайеркана, черными от наплыва шапок и шуб становятся широкие тротуары. Из толпы высеиваются нездешнего вида люди, в пальто, с чемоданами и портфелями, пассажиры дневного московского авиарейса. Беззвучно открываются и закрываются двери гостиницы, развернутой тяжелым фасадом на Гвардейскую площадь. В середине площади бригада рабочих с автокраном устанавливает на бетонный фундамент огромную серую глыбу руды – памятный камень, решение о закладке которого было принято в честь тридцатилетия комбината. Рабочих окружает плотное кольцо любопытных.

Егоров следит за движением каменной глыбы на невидимых в морозном воздухе тросах, одновременно невольно прислушивается к телефонному разговору.

В том, что на другом конце провода женщина, сомнений нет. Кто-то из отдела культуры или из Дворца металлургов, разговор сначала идёт о выставке городских самодельных художников, потом переходит к предстоящим гастролям какого-то театра. Прокурор оживляется:

– Вот как? Очень интересно. Обязательно пойду... Э-э, возможно. Только боюсь, что встреча для неё будет не слишком приятной... Нет, не я. Один из... э-э... моих сотрудников. Егоров... Да, Николай Тихонович. Вы с ним знакомы?

Услышав свою фамилию, Егоров оглядывается.

– Уверяю вас, вы ошибаетесь, – продолжает расшаркиваться Ганшин. – Трудно требовать особой жизнерадостности от человека, который каждый день с девяти до шести имеет дело с преступниками... Нет, я исключение. Мне гораздо чаще приходится иметь дело с такими очаровательными дамами, как вы!.. – Он вскидывает глаза вверх, как бы показывая Егорову, чего стоят ему эти слова.

Егоров недоволено морщится. Вступление, всегда предваряющее деловые разговоры в Норильске, где люди зимой гораздо чаще перезваниваются, чем встречаются, явно затягивается. Наконец Ганшин умолкает, некоторое время внимательно слушает, сдержанно замечает:

– Боюсь, что вы обратились не по адресу. Решение суда... Ах, вот вы о чём! Да, я распорядился дать Волчкову дополнительные материалы... Что вы, как же я могу отказать прессе? Я просто не имею права!

В продолжение следующей тирады, очень горячей, судя по тому, что Ганшин даже отводит трубку от уха, он по-прежнему рассматривает ботинки, но уже без удовольствия, а так, словно бы обнаружил в них серьезные недостатки. В голосе у него появляются суховатые нотки:

– Охотно верю... Э-э, досадно. Не нужно меня убеждать, что она девушка высоких достоинств!.. Нет, ничего не могу сделать. Всегда... э-э... к вашим услугам!

Брезгливым жестом прокурор опускает на рычаги телефонную трубку. Поднявшись с кресла, некоторое время стоит рядом с Егоровым, молча и как бы неприязненно смотрит на медленно разворачивающийся на тросах памятный камень. Потом возвращается на своё место.

– Ознакомились? – спрашивает он, подвигая к Егорову серую картонную папку как бы в знак того, что она и будет предметом предстоящего разговора. И тут же перебивает себя:

– Кстати, знаете, о чём сейчас шла речь?

– Догадываюсь, – неохотно отзывается Егоров. За время следствия он осатанел от телефонных звонков с просьбами избавиться от излишних формальностей «бедную девочку, и без того наказанную за своё легкомыслие».

– И об этом тоже, – с усмешкой кивает прокурор. – Но любопытней другое. К нам на гастроли приезжает театр, в котором работает... э-э...

Пауза, прерывающая замечание Ганшина, вызвана не стремлением прокурора заинтриговать собеседника. Это следствие небольшого дефекта речи, временами Ганшину словно бы не хватает дыхания, чтобы закончить фразу. Как это нередко бывает, дефект пошёл ему на пользу, приучив четко продумывать то, что он хочет сказать. Он давал ему и дополнительные преимущества в разговорах. У людей, не знакомых с Ганшиным, эти паузы вызвали ощущение, что прокурору мало того, что он услышал, что нужны дополнительные пояснения. И часто, расставшись с Ганшиным, человек ловил себя на том, что в продолжение всей встречи говорил только он, а прокурор лишь поправлял очки и вставлял односложные, ни к чему не обязывающие междометия.

Егоров терпеливо ждёт, не делая попыток помочь прокурору закончить фразу.

– Да... э-э... Нина Уразова, – справляется наконец с заминкой Ганшин. – Летом мы сможем её увидеть. Они привозят «На балу удачи». Говорят, в роли Эдит Пиаф она очень хороша. Я вас с ней познакомлю.

– Зачем? – удивленно спрашивает Егоров.

Прокурор тоже слегка удивлён.

– Нина... э-э... Уразова... Разве вам ничего не говорит это имя? В связи с этим, – кивает он на архивную папку. – В своё время ходило немало разговоров...

– Их можно приобщить к делу?

– Не возражаю, давайте оставим, – легко соглашается прокурор. – Я уважаю чужие принципы. Итак, что вы можете сказать об уровне... э-э... расследования?

– Убедительно. Отсутствие преступления доказано.

– В рамках статьи сто пятой, согласен. А как насчёт доведения до самоубийства?

– Вряд ли. Я доверяю этому следователю. Самоубийство по личным мотивам, – повторяет Егоров формулу из заключения.

– Представляете, какими серьёзными должны быть эти мотивы?

– Они и были серьёзными. По пустякам не сносят себе половину черепа. Но это нас уже не касается.

– Значит, вас ничего не насторожило?

Егоров пожимает плечами.

– Дело закончено. Если не обнаружилось ничего нового, его нужно вернуть в архив.

– Об обстоятельствах смерти ничего нового нет. Есть – о личности погибшего. И сведения эти таковы, – слегка повышает голос Ганшин, хотя Егоров не пытается его прервать. – Э-э... таковы, что заставляют вернуться к делу. Давайте вместе посмотрим.

Он придвигает к себе папку, развязывает тесемки и привычно перелистывает бумаги.

На листке по учёту кадров задерживается.

– Неверов Вадим Андреевич... Русский, беспартийный... пока всё верно. Родился в тысяча девятьсот... Скажите, Николай Тихонович, вы никогда не задумывались, что наш календарь не даёт точного представления о месте события во времени? Вот – родился человек. Через девятнадцать с лишним веков после чего? Если не принимать во внимание такую сомнительную веху, как рождество Христово?

Ганшин откидывается в кресле, поправляет очки и смотрит на Егорова, как бы и в самом деле ожидая ответа.

– Один мой знакомый из вычислительного центра, – продолжает он, никакого ответа не дождавшись. – Где же это?... А, вот... попытался разработать новую систему летоисчисления.

Начало отсчёта – ноль часов, понедельник. За сутки принято время от изобретения каменного топора до возведения пирамиды Хеопса как первого признака того, что человек осознал своё право на бессмертие. Во вторник, в 4 часа 18 минут кусок песчаника обернулся лицом царицы Нифертити и до среды, до 6 часов 7 минут 16,2 секунды, что примерно соответствует нашим дням, ей суждено было взирать на попытки человека утвердиться в вечности. И вот... э-э... в каком виде история, в том числе и новейшая, предстаёт...

Он подносит к глазам листок, одновременно лёгкой усмешкой показывая, что к тому, что он прочитает, не следует относиться слишком серьёзно, но и слишком несерьёзно относиться тоже не стоит.

– В среду, в 4 часа 36 минут 14 секунд, клерк патентного бюро в Берне по фамилии Эйнштейн доказал, что аксиома о непрерывности и необратимости времени не верна. В 4 часа 37 минут 58 секунд пароход «Самодержец», курсировавший между Рыбинском и Нижним Новгородом, был переименован в «Нарком Троцкий». В 4 часа 41 минуту 20 секунд было создана первая международная организация Лига наций, чтобы через 0,096 секунды прекратить своё существование. В 4 часа 43 минуты 12,6 секунды пароход «Нарком Троцкий» был переименован в «Нарком Ежов». В 5 часов 2 секунды...

Такие вот неожиданные отступления и способствовали укреплению за Ганшиным репутации не то чтобы несерьёзного человека, но как бы не совсем от мира сего. У многих из тех, кому приходилось иметь с ним дело, создавалось впечатление, что новый прокурор смотрит на всё как бы со стороны и даже несколько свысока, и заботы ответственных работников, составляющие смысл их жизни, конкретная жизнь города, состоящая из чередования мероприятий, требующих серьёзного отношения и каждодневной серьёзной работы, со стороны представляются ему чем-то вроде игры со строгими, обязательными для всех, в том числе и для него, но непонятно зачем принятыми правилами.

Отдавая должное образованности и эрудиции нового прокурора, его широкому взгляду и остроумию при обсуждении даже таких вопросов, где остроумие не поощрялось, тем не менее в той среде, куда Ганшина выдвинуло назначение, его не то чтобы сторонились, но относились к нему с настороженностью, как к чужаку и к человеку пока неясному. Возможно, правы были те, кто считал, что Ганшину, чтобы окончательно утвердиться, недостает большого серьёзного дела, акции всегородского масштаба, которая четко определила бы те принципы, которым он намерен следовать.

То ли наскучив перечислением минут и секунд, то ли поняв, что такой взгляд на историю не вызывает у Егорова интереса, Ганшин со словами «и так далее» откладывает листок и возвращается к документам из серой картонной папки.

– Таким образом, – заключает он, – можно сказать, что интересующий нас Неверов Вадим Андреевич родился в среду, в 5 часов 12 минут с секундами, то есть почти одновременно с началом последней большой войны, и вся сознательная жизнь его протекала в мирное время. Если учесть, что за последние пять тысяч лет было пять тысяч четыреста четырнадцать войн, из них две мировых, можно сказать, что ему... э-э... повезло. Но он, вероятно, так не считал и потому устроил себе маленькую персональную войну и погиб в ней, прожив в общей сложности семнадцать сотых секунды. Что вы скажете о такой... э-э... системе летоисчисления?

– Не слишком-то они перегружены работой в своём вычислительном центре.

– Вы правы, для такого вывода тоже есть все основания. Вернёмся, однако, к нашему делу. Нужно признать, что за семнадцать сотых секунды свой жизни Неверов успел очень немало сделать. Но прежде – некоторые уточнения. Здесь – неверно... – С тем же профессиональным изяществом человека, привыкшего иметь дело с бумагами, Ганшин красным фломастером подчёркивает запись в графе «Образование», поясняет: – Высшее, МГУ, физмат, красный диплом... Здесь тоже неверно... – Красная «галочка» появляется против графы «Место работы и занимаемые должности». – А это совсем ерунда! – Красный крест появляется на второй половине куцей автобиографии Неверова. – Всё это уже достаточно необычно, не так ли? Но самое интересное ещё... э-э... впереди.

Ганшин подчёркивает графу «Правительственные награды» и как бы расстроено бросает поверх бумаг фломастер.

– Послушайте, Николай Тихонович, неужели вам ничего не говорит эта фамилия – Неверов?

– Ничего.

– Как же мы невнимательны! А если в таком контексте: Нестеровский, Кравцов, ваш однофамилец Егоров, Суханова...

– Неверов? – удивлённо заканчивает Егоров.

– Вот именно – Неверов!

Фамилия, действительно, обрела смысл, встав в ряд имён, известных в Норильске каждому школьнику. Это были геологи, лауреаты Ленинской премии, первооткрыватели рудного узла на Талнахе, давшего, как было принято говорить, новую жизнь комбинату и городу. Но даже и теперь, после слов прокурора, Егорову не сразу удаётся совместить в сознании многократно слышанную фамилию с этими листами архивного дела.

– Неверов – тот самый? – недоверчиво переспрашивает он.

– Тот самый, – подтверждает Ганшин. – Нас подвела стандартность мышления. И следователя. И меня. И вас. И отдел кадров Гидрологической службы, когда его оформляли на раб от у.

– А документы?

– Всего лишь справка с последнего места работы вместо якобы утерянной трудовой книжки. Чтобы получить такую справку, достаточно улыбнуться секретарше. К тому же, как я знаю, требования у гидрологов не слишком строгие. Платят мало, условия на отдалённых точках сами можете представить какие. Охотников немного.

– Да уж меньше, чем к нам в секретарши, – не удерживается Егоров.

Ганшин словно только того и ждал, чтобы отвлечься.

– Дорогой Николай Тихонович, нельзя же быть таким моралистом! Вы только посмотрите на наших лейтенантов, они каждый день стали гладить брюки! Я считаю это своим... э-э... бесспорным достижением.

– Дело подлежит пересмотру?

– Да.

– Был запрос?

– Не совсем. Вот – взгляните. Это передали мне из редакции нашей газеты.

Егоров берет у прокурора тетрадный листок, к которому скрепкой подколот конверт, пробегает взглядом округлые строки:

«Уважаемый товарищ редактор! Прошу Вас сообщить мне адрес и место работы моего мужа Неверова Вадима Андреевича. Больше года назад он уехал в Ваш город. Хотя мы разведены, мне нужно знать, где он сейчас работает, чтобы послать исполнительный лист на алименты для его сына, которому сейчас четыре года. Вы должны знать, где он работает, потому что в Вашей газете писали о нём, когда он получил Ленинскую премию. Мой адрес: Москва...»

Егоров возвращает прокурору письмо. Ганшин вкладывает его в архивную папку. Голос у него сух и словно бы неприязнен:

– Как вы сами понимаете, в этом деле мы не можем ограничиться предположениями. Мы должны абсолютно точно знать, самоубийство ли это, хотя скорее всего всё же самоубийство, и что это за личные мотивы. Запрос о Неверове может поступить в любой момент, и мы должны быть к нему готовы. К тому же у нас в городе не так уж много таких людей. Выяснить, почему один из них ушёл из жизни, просто наша обязанность. Если хотите, дань уважения его памяти... Блистательная всё-таки жизнь! В двадцать один год – почётный профессор Гейдельбергского университета. Еще студентом он решил какую-то теорему, над которой триста лет ломали голову математики. В двадцать три года – доктор наук, его кандидатская диссертация была признана докторской. В двадцать пять – лауреат Ленинской премии...

– В двадцать восемь... – напоминает Егоров и хмуро кивает на архивную папку.

– А если он для того и застрелился, чтобы вовремя поставить точку?

– Вот вам и ответ на любой вопрос.

– Вы правы, это не ответ, – соглашается Ганшин. – Я решил поручить это дело вам по трём причинам. Первое. Я знаю вашу основательность и в данном случае буду уверен, что имею дело с фактами, а не с красивой версией, к которой эти факты притянуты, что весьма нетрудно в таком... э-э... деле. Второе. Чтобы восстановить картину последнего периода жизни Неверова, понадобится ваше знание психологии обычных людей, а не уголовных преступников. Обычных людей, попавших в трудные обстоятельства... Кстати, вы поняли, чего не хватает в деле?

– Писем.

– Да, писем. Не говоря уже о предсмертной записке. Может быть, дневников. Такой человек, как Неверов, не мог их не вести. В конце концов чем-то он занимался, кроме метеонаблюдений. Возможно, уничтожил. Но что-то должно остаться. И это необходимо найти. Третье. Мы работаем с вами больше года. Я не имел случая выразить отношения с вашей работе и намерен сделать это сейчас. Я вижу в вас одного из самых квалифицированных работников прокуратуры и хочу, чтобы вы это знали. Вашу работу отличает качество, которое я затруднился бы выразить одним словом. Что-то близкое к понятию «истовость»... э-э... в лучшем смысле этого слова, если у него есть и худший смысл. В частности, в последнем расследовании, с дипломами, вы проявили настойчивость и принципиальность, которые делают вам честь.

Егоров давно уже вышел из того возраста, когда одобрение или неодобрение начальства заставляют учащенно биться сердце. И всё же он ловит себя на том, что слова прокурора ему приятны. Он хмурится и с напускным безразличием пожимает плечами.

– Я делал своё дело.

– И большую часть моего, – уточняет Ганшин. – Должен признаться: когда на меня пытались оказать... э-э... влияние, я переадресовал всех к вам. Говорил: если вы сумеете убедить следователя Егорова...

– Значит, это вам я обязан всеми этими звонками? – с досадой переспрашивает Егоров.

– Да. Перед вами человек, который отлынивает от своих обязанностей. Ибо это главная моя обязанность: дать возможность моим сотрудникам работать без всяких влияний. Кроме, разумеется, моего. Но я не мог упустить случай проверить ваш... э-э... иммунитет к давлению, как принято говорить, всего города. Поручая вам это дело, я пытаюсь загладить свою вину, – продолжает прокурор, хотя, судя по его виду, никакой вины он за собой не чувствует. – Вам придётся отправиться туда, на посты. А эти места сейчас не хуже Домбая – солнце, прекрасный снег, гуси скоро пойдут. Можете рассматривать это как внеочередной отпуск.

– Опросить трёх человек – на это уйдёт два дня. Вместе с осмотром местности.

– Ошибаетесь, – возражает прокурор. – Ваша командировка займёт не меньше трёх, а то и четырёх недель. Первый вертолёт с геологами отправляется туда на днях. На Имангду высаживают гидрогеохимический отряд Норильской экспедиции. А следующий транспорт будет только в конце месяца. Своих вертолётчиков у нас, к сожалению, нет. Задание понятно?

– Не совсем. В чём оно заключается?

– Объясняю. Версия первая: самоубийство Неверова инсценировано каким-то очень ловким преступником. Мотив – что угодно. Деньги, часть Ленинской премии, которые он туда привёз, хотя я понятия не имею, зачем бы он это стал делать. Да и вряд ли какие-то деньги оставались, на что-то же он жил. Версия вторая: похищение ценных идей в шпионских целях. Это вам больше нравится? – В словах прокурора сквозит нескрываемое недовольство. – Николай Тихонович, осмелюсь дать вам совет. Некоторые, не будем называть фамилий, считают, что при всём опыте вам недостаёт некоторой широты... э-э... мышления. Наверное, отчасти они правы. Любое дело нужно уметь соотносить с сегодняшним днём, с его конъюнктурой. Строго в рамках закона, разумеется. Вы должны научиться использовать ту свободу в решениях, которую предоставляет закон, если хотите выйти из разряда... э-э... исполнителей и перейти на следующую ступень.

– Не помню, чтобы я высказывал такое желание.

– Не хотите? – с искренним недоумением переспрашивает Ганшин. – Извините, не верю. Впрочем, верю. Но тогда не понимаю. Вы – средний человек, а? Удивительное явление. Самое удивительное то, что вы отдаёте себе в этом отчёт. Боитесь ответственности?

– А вы не боитесь? – спрашивает Егоров, ощущая, как растёт в нём раздражение против легковесности прокурора, легко порхающего от темы к теме.

Ответ Ганшина обезоруживает его:

– Если вы имеете в виду, что этот разговор мы ведём здесь, в этом... э-э... городе... Да, понимаю вас. Очень хорошо понимаю. Но есть другой аспект, о котором вы, вероятно... э-э... не задумывались. Ограничивая свою компетентность, вы тем самым передоверяете другим решение вопросов, которые не могут вас не касаться. Лично вас, вашей семьи, близких вам людей. Не кажется ли вам, что это довольно уязвимая жизненная позиция?

– Я об этом подумаю, – обещает Егоров.

– Мне будет интересно, что вы решите, – кивает прокурор и переходит на деловой тон. – Ваше задание: провести дополнительное расследование обстоятельств смерти Неверова на гидрологической посту номер 14 в связи с выявлением новых данных о личности погибшего. Ещё вопросы?

– Нет.

Егоров собирает бумаги. Прокурор достает из нижней тумбы стола несколько тонких папок и кладёт их перед Егоровым.

– Дополнительные материалы о Неверове. Всё, что удалось достать. В том числе и его настоящее личное дело, я затребовал его из Москвы. И вот ещё что. Думаю, будет правильно, если вы появитесь на постах не в качестве следователя... следователь там уже был. А... Даже не знаю. Кем бы вы хотели побыть? Геологом?

– Вряд ли я сумею отличить гранит от базальта.

– Может, просто туристом или охотником-отпускником?

– Посёлок на Имангде законсервирован, – напоминает Егоров. – Значит, есть какая-то опись оборудования и строений? Можно провести инвентаризацию. По крайней мере, дело знакомое.

– Не возражаю, – говорит Ганшин и берется за телефон. – Соедините меня с начальников геологоразведочной экспедиции Шубиным, – приказывает он секретарше. – Не перепутайте. Есть начальник Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции, это Шубин. А есть начальник Гидрологической службы. Это разные организации и разные люди.

Оговорка, по мнению Егорова, очень нелишняя.

– Жду, – бросает Ганшин и с телефонной трубкой в руке откидывается на спинку кресла. По напряжённой гримаске на его лице и по тому, что он звонит Шубину не по прямому телефону, а связывается с ним через секретаршу, нетрудно догадаться, что начальник НКГРЭ Шубин не относится к людям, с которым прокурора связывают товарищеские отношения. И пока секретарша в приемной выпевает: «С вами сейчас будет говорить прокурор города Норильска Вячеслав Николаевич Ганшин!» – сам прокурор, забыв обо всём, готовится к разговору. Голос его, однако, звучит с обычной непринуждённостью:

– Осмелился вас побеспокоить... э-э... Владимир Семенович. Вот какая у нас родилась мысль. Стоит, пожалуй, провести ревизию вашего посёлка на Имангде, всё-таки столько лет прошло после консервации. Как вы на это смотрите?.. Не принято? Вот мы и хотим нарушить эту традицию... Нет, на этот счёт не беспокойтесь, пусть ваши люди занимаются своими делами. А этим займётся наш сотрудник. Егоров Николай Тихонович, он к вам зайдёт... Да, это по делу Неверова, в нём остались неясности... Рад, что вы ничего не имеете против. Всего хорошего!..

Пока Ганшин разговаривает, Егоров открывает обложку лежащей сверху папки. На титульной странице отпечатано на ротапринте: «В.А.Неверов. Некоторые аспекты решения пространственных задач методом математического подобия в приложении к конкретным геофизическим исследованиям». На следующих страницах текст, на три четверти состоящий из математических формул.

– Это автореферат к диссертации Неверова, – поясняет Ганшин, положив трубку и как бы стерев с лица выражение непринуждённости.

– Что это значит?

– Понятия не имею. Но практическое значение имеет – и очень большое. В сущности, Талнах был открыт по методу Неверова. Он предсказал там руду, как кто-то из астрономов предсказал планету Нептун. Так мне объяснили. А нашли месторождение уже без него. Он всего-то был в городе раза три или четыре, прилетал для консультации. Поэтому у нас его и не знают в лицо. Кстати, на Имангде он тоже был. Сказал: прекрасные места, я хотел бы здесь жить. Это со слов Шубина. Про то, что он хотел бы здесь умереть, он ничего не сказал. Вероятно, это желания пришло позже... А вообще странно всё это. Человек прилетает из Москвы, бросает там семью, квартиру, работу, устраивается в тундру, в дикую глушь. Живёт там зиму, полярную ночь, с непривычки самое жуткое время. И вот, когда зима позади, когда только жить и жить, забивает в край стола гвоздь и стреляет себе в висок. Почему?

– Вероятно, потому что ствол у карабина слишком длинный, – предполагает Егоров.

– Ствол? – Ганшин не сразу понимает, о чём идёт речь. – Ах да, ствол. Не такой уж длинный, чтобы не дотянуться до курка рукой.

– Какого роста был Нестеров?

– Среднего. Думаю, смог бы дотянуться... Словом, на все эти вопросы вам и предстоит дать ответ. Приступайте. Всё, что у вас в работе, передайте в отдел. Сами решите кому. Желаю успеха.

Егоров пожимает узкую сильную руку Ганшина, встаёт, но уходить не спешит.

– Два вопроса, – говорит он. – Объяснить задание – на это нужно десять минут. А я здесь уже час. Значит ли это, что у вас есть ко мне вопросы, которые вы не можете задать прямо?

– Да, – помедлив, признаёт Ганшин. – Но только потому, что вы не сможете ответить на них при всём вашем... э-э... желании.

– А вы попробуйте.

– Хорошо... Кто вы такой, Николай Тихонович? Что вы представляете собой как человек?

Егоров молчит.

– Каковы ваши потенции как общественного деятеля? В той мере, в какой ответственный работник прокуратуры не может не быть общественным деятелем?

Егоров молчит.

– Достаточно? – спрашивает прокурор.

– Нет.

– Я вижу, что вы не любите неопределённых ситуаций и умеете их прояснять. Что ж, скажу больше – но только то, что... э-э... могу сказать. Мне предложено подумать над возможностью использовать вас на другой работе, по характеру лишь косвенно связанной с вашей... э-э... профессией.

– Разве выбор работы не моё личное дело?

– В пределах, допускаемых партийной дисциплиной.

– Теперь понятно. Второй вопрос. Вы упомянули о Нине Уразовой. Так, кажется, её фамилия? В связи с этим, – кивает Егоров на архивную папку.

На лице Ганшина появляется ироническая усмешка.

– Николай Тихонович, но это же только слухи! Насколько я понял... вернее, насколько вы мне дали это понять, не в ваших правилах... э-э... использовать их в работе. Или я неправильно вас понял?

Вячеслав Николаевич Ганшин, прокурор города Норильска, верен себе: последнее слово остаётся за ним. Егоров собирает со стола бумаги и выходит из кабинета. Вернувшись к себе, достаёт из шкафа новую папку и начинает заполнять формуляр.

«Номер дела...»

«Дело начато...»

Из коридора доносится дробный стук каблуков, дверь открывается и слегка запыхавшаяся секретарша прокурора со словами «Вячеслав Николаевич велели вам передать» кладёт перед Егоровым листок.

Машинописный, довольно слепой экземпляр. В углу: «Для обсуждения. Текст надписи на памятном камне на Гвардейской площади. Проект».

Ниже – заглавными буквами:

*«ЗДЕСЬ БУДЕТ СООРУЖЁН ОБЕЛИСК, ВСЕГДА НАПОМИНАЮЩИЙ
О ПОДВИГЕ ПЕРВЫХ НОРИЛЬЧАН, КОМСОМОЛЬЦЕВ-СТРОИТЕЛЕЙ,
ПОКОРИВШИХ ТУНДРУ, СОЗДАВШИХ НАШ ГОРОД И КОМБИНАТ».*

Ещё ниже – острым и словно ироничным почерком прокурора:

«К вопросу о компетентности. Как вы это оцениваете?»

– Спасибо, можете идти, – говорит Егоров секретарше.

– Вячеслав Николаевич велели показать и вернуть.

– Тогда подождите.

Егоров переписывает текст на бумажную четвертушку и только после этого отпускает секретаршу. Затем возвращается к прерванной работе.

«Дело начато...»

«Месяц и число: 2 апреля».

«Год: 1967».

«Дело окончено...»

IV

В гидрогеохимическом отряде Норильской экспедиции, который в начале апреля 1967 года забросили на Имангду, было шесть человек: начальник отряда, кандидат наук Андрей Павлович Щукин, инженер-геолог Игорь Хазанов, старший техник Валерий Леонтьев, студентка-практикантка Ленинградского университета Ольга Новикова и два рабочих – молодой парень, недавно отслуживший срочную Григорий Задонский и пожилой тундровик Иван Мартынович Чесноков, которого все называли по отчеству, Мартынычем. Он выполнял обязанности завхоза и радиста отряда. Седьмым стал Егоров, которого Щукин представил как сотрудника контрольно-ревизионного управления горисполкома.

Экспедиционный «УАЗ-санитарка» с металлическим кузовом оказался до отказа забит отрядным скарбом – мешками с крупами и сахаром, ящиками с говяжьей и свиной тушёнкой, картонными коробками с макаронами и чаем, раскладушками и спальными мешками, связками лыж и бамбуковых лыжных палок, которых хватило бы человек на двадцать.

– Куда столько? – удивился Егоров.

– Про запас, – объяснил Мартыныч. – Наст, он дерево режет, как наждак. И на случай, если кто лыжи сломает. Пешком не больно-то походишь.

Ещё было несколько ящиков с пустыми пивными и винными бутылками.

– Это для проб воды, – пояснил Егорову начальник отряда.

С особой осторожностью в «санитарку» погрузили ящик водки. Мартыныч устроился в кабине рядом с водителем, а в кузов с трудом запихнули Задонского. Остальным пришлось добираться до аэропорта Валёк на рейсовом автобусе.

В первый день не улетели – не было вертолётов. На второй тоже не улетели – вертолёты были, но не подвезли горючку. Только утром третьего дня, когда от ящика водки, припасенной для экстренных случаев на маршрутах, осталось не больше половины, начальник службы перевозок оглядел неподвижные тела в спальнях мешках, лежащие в зале ожидания вокруг груды экспедиционного имущества, и скомандовал:

– Подъём, геологи! Транспорт подан. Или вы собираетесь здесь жить?

Опахмелились уже в вертолёте. Внизу тянулась тундра с ослепительно сверкавшим на солнце снегом, словно заштрихованная редкими лиственницами. Через час «Ми-8» сделал круг над посёлком из четырёх десятков домов с трубами, из которых не поднималось ни одного дыма, с нетронутыми ни единым следом проездами между домами. На краю посёлка, возле единственной живой избы, чернели несколько человек, приветственно махали руками.

– Гидрологи! – прокричал на ухо Егорову Щукин, перекрывая грохот двигателя.

Вздывая тучи серебристой снежной пыли, в которой на миг появилась радуга, вертолёт приземлился неподалёку от избы. Члены отряда с помощью гидрологов быстро выгрузили всё из трюма и только потом, когда вертолёт взлетел, начали здороваться с удивившим Егорова радушием: жали руки, обнимались, хлопали друг друга по спинам. При том что знакомы до этого не были. Кроме, может быть, Мартыныча, который работал на Имангде ещё в те времена, когда здесь вели разведочное бурение геологи.

На правах человека бывалого, он и взялся командовать. Из всех пустых домов выбрал просторную избу, сложенную из бревен лиственницы. Объяснил:

– Здесь контора была. И начальство жило. Самый тёплый дом, не сомневайтесь, сам в нём жил.

В центре самой большой комнаты стояла ржавая буржуйка с жестяным дымоходом, выведенным в окно с грязными стёклами. Второе окно было забито фанерой и рубероидом, щели тщательно законопачены шлаковатой. Было ещё несколько комнат, поменьше, все без дверей. Егоров догадался, что двери сняты для того, чтобы комнаты обогрелись теплом от буржуйки.

Пока перетаскивали экспедиционный скарб от вертолётной стоянки, двое гидрологов приволокли от своей избы несколько вязанок дров, раскочегарили печку. В дымоходе загудело, промороженный дом стал медленно наполняться теплом. Грязные стекла плохо пропускали солнечный свет, в комнате стоял полумрак. Принесли две керосиновые лампы-трёхлинейки, при их свете выложили на дощатый стол консервы, выставили последние бутылки водки.

– Завязывать не пора? – любопытствовал Егоров у начальника отряда.

– Завяжут, – отозвался Шукин. – Водка кончится и завяжут. Здесь не сгоняешь за добавкой. Сто двадцать километров до ближайшего гастронома.

Люди за столом различались внешностью и одеждой. Куртки и ватники гидрологов были замызганы, а лица с грубым загаром обросли бородами, у кого густой, у кого жидкой, клочками. Одежда геологов была ещё необмятой, лица бритые и бледные после долгой зимы. Единственная девушка в мужской компании – студентка, помнил Егоров – держалась замкнуто, почти не пила и быстро ушла спать. Инженер-геолог Хазанов устроил её в одной из комнат и вернулся к столу.

Водка кончилась часа через два в самый разгар шумного застолья с беспричинным смехом и бестолковыми разговорами, от которых Егоров слегка угорел. Чтобы продолжить праздник, гидрологи притащили пятилитровую бутылку мутной бражки.

Егоров решил, что с него хватит, пристроил раскладушку в свободной комнате и залез, не раздеваясь, в спальный мешок.

Проснулся он от холода. Дрова в буржуйке прогорели. Одна лампа погасла, другая, с закопченным стеклом, тускло освещала стол с остатками закусок, с окурками в консервных банках. Гидрологов не было, ушли к себе. Члены отряда кто устроился в свободных комнатах, кто расположился в спальниках вокруг буржуйки.

Егоров набил печку дровами, подождал пока они разгорятся и вышел на улицу. Слепило низкое рассветное солнце, морозный воздух был насыщен сверканием чистого снега, никакие звуки не нарушали бездонную тишину. Безжизненные дома посёлка, редкие лиственницы и уродливые сосенки отбрасывали длинные голубоватые тени.

Сзади стукнула дверь дома, послышались какие-то хлопающие звуки. Егоров оглянулся. Один из молодых геологов спустился с крыльца и блевал в сугроб, его прямо-таки выворачивало наизнанку. Егоров обратил на него внимание ещё на автовокзале в Норильске. Его провожала симпатичная блондинка в очках. Очки на морозе запотевали, она смущенно протирали их рукой в шерстяной варежке. Проблевавшись, он нагреб валенком на следы снег и попросил Егорова, глядя на него большими глазами:

– Не смотрите на меня так. Сам знаю: свинья свиньёй. Это всё бражка. Как чувствовал, не нужно было её пить.

– Зачем же пили?

– За компанию. Вы Николай Тихонович, из горисполкома. А я Леонтьев.

– Вы не похожи на геолога, – заметил Егоров. – Давно в экспедиции?

– Нет, с января. Я не геолог, я журналист. Старшим техником оформили, чтобы платить зарплату. Занимаюсь связями с прессой. С московской и местной, прославляю норильских геологов.

– Их нужно прославлять?

– Решили, что нужно. Меня взяли, потому что я из Москвы, был корреспондентом всесоюзного журнала.

– А как оказались здесь?

– Сам напросился. Чтобы писать о геологах, нужно побывать в их шкуре.

– И как вам в их шкуре?

– Пока не очень. Куда вы собрались?

– Хочу осмотреть посёлок. Не пойдёте со мной?

– Спасибо, в другой раз. Сейчас попробую ещё поспать, лучшее средство от похмельюги.

Леонтьев вернулся в дом, а Егоров направился в посёлок, угадывая дорогу по просвету между домами. Промороженный наст был крепким, не проваливался, только похрустывал под ногами. И чем дальше Егоров углублялся в посёлок, тем сильнее охватывало странное чувство выпадения из времени. В домах, куда он заглядывал, когда удавалось откопать и открыть двери, вплотную стояли железные кровати. На машинном дворе под сугробами угадывались остовы бульдозеров и вездеходов, штабеля бочек из-под солярки. Время здесь остановилось, посёлок напоминал заброшенное деревенское кладбище, которое постепенно поглощается кустарником и плетями стланика. Дома стояли нетронутые, только две бревенчатые избы были разобраны на дрова гидрологами.

«Одно дело сделано, – отметил Егоров. – Ревизию можно считать проведённой».

Он поднялся на сопку, у подножия триангуляционной вышки отыскал торчавший из снега крест, сколоченный из двух деревянных брусков. На поперечине было вырезано: «Нестеров, 1938—1966».

С сопки был виден весь посёлок, мёртвый, как кладбище. Только возле двух домов двигались фигурки людей, с которыми Егорову выпало прожить часть жизни.

V

ВСЕМ НАЧАЛЬНИКАМ ПОЛЕВЫХ ОТРЯДОВ, СТАЦИОНАРНЫХ ПАРТИЙ. ПО СВЕДЕНИЯМ МЕТЕОСЛУЖБЫ В НАЧАЛЕ ВТОРОЙ ДЕКАДЫ АПРЕЛЯ ОЖИДАЕТСЯ РЕЗКОЕ ПАДЕНИЕ АТМОСФЕРНОГО ДАВЛЕНИЯ С ОДНОВРЕМЕННЫМ ПОВЫШЕНИЕМ ТЕМПЕРАТУРЫ ДО МИНУС ПЯТИ ГРАДУСОВ И СИЛЬНЫМИ СНЕГОПАДАМИ ВЕТЕР 15—17 МЕТРОВ В СЕКУНДУ, ПОРЫВАМИ ДО 30 МЕТРОВ. НАПРАВЛЕНИЕ ДВИЖЕНИЯ ЦИКЛОНА ЮГ-ЮГ-ЗАПАД ПРИМИТЕ МЕРЫ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ РАБОТ НАЧАЛЬНИК ЭКСПЕДИЦИИ ШУБИН

ЭКСПЕДИЦИЯ-ФОНДЫ. В РЕЗУЛЬТАТЕ СЛУЧАЙНОГО ОТКЛОНЕНИЯ ОТ МАРШРУТА ИЗ-ЗА РЕЗКОГО УХУДШЕНИЯ ВИДИМОСТИ В КВАДРАТЕ 18—20 МНОЙ ОБНАРУЖЕНА БУРОВАЯ СКВАЖИНА, ОТСУТСТВУЮЩАЯ НА СХЕМЕ ИМАНГДЫ. ВЫЯСНИТЕ В АРХИВЕ ИНДЕКС СКВАЖИНЫ, РАДИРУЙТЕ СОСТАВ КЕРНА В ИНТЕРВАЛЕ ГЛУБИН 100—150 МЕТРОВ. ГИДРОГЕОХИМИЧЕСКИЙ ОТРЯД, ХАЗАНОВ.

ИМАНГДА, ХАЗАНОВУ УТОЧНИТЕ КООРДИНАТЫ СКВАЖИНЫ.

ЭКСПЕДИЦИЯ-ФОНДЫ. УТОЧНЯЮ КООРДИНАТЫ: КВАДРАТ 18—20, СЕВЕРНАЯ ПОДОШВА СОПКИ ПЛОСКОЙ. ПО ВНЕШНИМ ПРИЗНАКАМ СКВАЖИНА СРЕДНЕГО БУРЕНИЯ. ХАЗАНОВ.

ИМАНГДА, ХАЗАНОВУ. В УКАЗАННОМ ВАМИ КВАДРАТЕ БУРОВЫЕ РАБОТЫ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ НАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ НЕ ВЕЛИСЬ. СОГЛАСНО ОТЧЁТУ СПЕЦПАРТИИ ШУБИНА НА ИМАНГДЕ ПРОБУРЕНО 9 РАЗВЕДОЧНЫХ СКВАЖИН С ИНДЕКСАМИ ОТ Т-1 ДО Т-9 НА ПРОЕКТНУЮ ГЛУБИНУ ДО 210 МЕТРОВ. БУРЕНИЕ СКВАЖИНЫ Т-10 ПРЕКРАЩЕНО В НАЧАЛЬНОМ ПЕРИОДЕ В СВЯЗИ С ЛИКВИДАЦИЕЙ ПАРТИИ. ПРОВЕДЕННЫМИ РАБОТАМИ ВСКРЫТА НЕЗНАЧИТЕЛЬНАЯ ЭНТРУЗИЯ С ВКРАПЛЕННЫМИ МЕДНО-НИКЕЛЕВЫМИ РУДАМИ НЕПРОМЫШЛЕННОГО ЗНАЧЕНИЯ. КАКИЕ-ЛИБО УКАЗАНИЯ НА СКВАЖИНУ В КВАДРАТЕ 18—20 В АРХИВАХ ОТСУТСТВУЮТ. ПРЕДПОЛАГАЕМ, ЧТО ВЫ ОШИБЛИСЬ В ОПРЕДЕЛЕНИИ МЕСТОНАХОЖДЕНИЯ СКВАЖИНЫ.

ЭКСПЕДИЦИЯ-ФОНДЫ. ВАШИМ ОТВЕТОМ НЕ УДОВЛЕТВОРЕН. ОРИЕНТИРОВКУ НА МЕСТНОСТИ ПРОВОДИЛ ДВАЖДЫ, ОШИБКА ИСКЛЮЧЕНА. ТЩАТЕЛЬНО ПРОВЕРЬТЕ АРХИВЫ, ТАК НЕ БЫВАЕТ, ЧТО СКВАЖИНА ЕСТЬ, А ТЕХНИЧЕСКОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ НЕТ. ЭТО ДОКУМЕНТЫ СТРОГОГО УЧЁТА. ИЩИТЕ ЛУЧШЕ. ЖДУ ДАННЫЕ ПО СОСТАВУ КЕРНОВ. ХАЗАНОВ.

ЭКСПЕДИЦИЯ-ФОНДЫ. НАЛИЧИЕ БУРОВОЙ СКВАЖИНЫ В УКАЗАННОМ ХАЗАНОВЫМ КВАДРАТЕ ПОДТВЕРЖДАЮ. НАЧАЛЬНИК ГИДРОГЕОХИМИЧЕСКОГО ОТРЯДА ЩУКИН.

VI

– Кто здесь?.. А, вы, Андрей Павлович!.. Чего это вы с фонариком? Зажгли бы лампу, если не спится. Погодите, сейчас зажгу. Вот... А мне помстилось – стучат. Третью ночь всё скрипы, стуки какие-то, будто кто ходит, ищет чего... Не замечали?

– Может, ветер?

– Может, и ветер. А иначе кому бы стенки простучивать? Нашим-то не до стуков. Весенние маршруты – с них крепко на сон тянет... А у вас, Андрей Павлович, бессонница?

– Слишком тихо. В Москве я любил по ночам работать, никто не мешает. А здесь тишина давит. Мёртвая.

– Пустая.

– Странное место, всё никак не привыкну. Сорок домов, целый посёлок. И только двое гидрологов да нас семеро.

– Считай, шестеро. Ревизор на Макус с Саулисом ушёл, четвертый день нету. Чего его туда понесло?

– Не наши дела.

– Тоже верно. У него свои дела, у нас свои.

– И вот что забавно – поближе друг к другу сбились, в один дом, потесней.

– Топить меньше.

– Завидую вам, Мартыныч. У вас очень практический склад мышления. Много времени берегает, думаешь только над тем, что есть, а не над тем, что помстилось.

– Снова вроде как шум?.. Да, одряхлел дом. И срублен недавно, лет десять всего, для дома это не срок. Дома без людей быстро дряхлеют. Неужели я спутал? Не должно бы. У нас, кто всю жизнь при рации, слух острый. И спутать, стенки кто простучивает или это дом от старости... А ну-ка, попробовать.

– Тише! Разбудите всех.

– Что вы, тут хоть из пушки... Ишь ты, и вправду! Эй, малый, ты чего выскочил?

– Ёжики. Тут где-то. Андрей Палыч, посветите.

– Какие ёжики, Задонский? О чём вы?

– Ёжики, точно, чего вы смеётесь? Я знаю, у нас дома двое жили. Чуть ночь, так и пошли стукотить по избе. Это они мышей ловят. Нужно в ящик посадить, а то в спальник залезут, ну их!

– Совсем обалдел малый спросонок! Ветер это. В здешних местах только люди да клопы выживают. Зимой морозы под пятьдесят, откуда ёжикам взяться?

– Вы уж, Мартыныч, не знаю за кого меня держите! Думаете, мне не обидно? Ветер! Ветра-то третий день нету. Сами говорили, после циклона всегда затишье. Не так, что ли?

– Было, говорил.

– Это мы здесь стучали. Случайно. Идите спать, Задонский, у вас с Хазановым завтра трудный маршрут.

– Опять небось на ту буровую? У, холера, вся это геология, связался я с вами! И тянет его туда, и тянет, будто ближе буровых мало!.. Мартыныч, возьму тушёнки жестяночку, а? Организм требует. Не полопаешь, не потопашь. А топать туда, вон Андрей Палыч сам знает, не даст соврать – двадцать три кэмэ в один конец!

– Возьми, что ж с тобой сделаешь... Ёжики – приснится же такое! Вот за что я Север люблю, никакой гадости здесь не водится. Ни змей, ни скорпионов там всяких... Андрей Павлович, а парень-то верное наблюдение сделал.

– О Хазанове? Не удивительно, что его туда тянет. Обнаружить в таких местах бесхозную буровую, не каждый день такое бывает. Это всё равно что в городе найти сто рублей. Даже двести.

– Верно, двести рублей редко находят.

– Их редко теряют.

– И это верно. Только я про другое. Ветра-то в самом деле нету. И вчера не было... А?... Ладно, прямо спрошу. Чего вы ищите, Андрей Павлович?

– То, чего не терял. Как и все геологи. Как обычно оформляется техническая документация на буровые работы?

– Ну, журналы у них там. Смену сдал, смену принял. Сколько метров пробурили, какие породы. Вам лучше знать, вы же учёный.

– Учёный я не этому. Гидрогеохимия и разведочное бурение – разные вещи. Эти журналы что, толстые, тонкие?

– Да изрядные, как хорошая книга. Штуки по три на каждую буровую. Когда работы здесь закругляли, у Шубина целая библиотека собралась... Так вы, Андрей Павлович, не геолог? Как же вы здесь оказались?

– Да как и вы, случайно. Вряд ли вы в молодости предполагали, что всю жизнь просидите у рации по таким вот медвежьим углам.

– Это как посмотреть. Сами-то мы, Чесноковы, с Поволжья. От голода подались в Мурманск, на строительство порта, я тогда ещё пацаном был. На кораблях к радиоделу и приспособился. С Кренкелем на Северной Земле зимовал, от самого Отто Юльевича Шмидта собственную его книгу с дарственной надписью имею. Потом, правда, к людям потянуло. Да тут своих надо было кормить, старика-то моего в трюме придавило, мать осталась с двумя сестренками. А там и война... Так оно всё и бывает. В молодости поманивает туда, где людей поболее. А к старости к тишине тянет. Только вам-то, Андрей Павлович, рановато тишины искать. Сколько вам – лет тридцать пять?

– Тридцать четыре.

– Завидная пора. И молодой ещё, и уже не дурак. Оно, правда, и в молодости в тишине немного побыть, сам с собой, очень это дело полезное... Так вы, значит, полагаете, что они где-то здесь?

– Они? Что вы имеете в виду?

– Документы с той буровой. Что ж, хорошее рассуждение. Если этих журналов нету там, где им положено быть, где-то же они есть.

– Если они вообще есть. Кто такой Шубин?

– Шубин?

– Да, Владимир Семенович.

– Начальник нашей экспедиции.

– Спасибо, Мартыныч, теперь я знаю, кто у нас начальник. В своё время он руководил здесь буровыми работами, это я тоже знаю. Что он за человек?

– Очень я затрудняюсь, что вам на это ответить. Одно дело, если бы он у меня про вас спросил. А вы про него – совсем другое. Потому что вас я неполных две недели знаю, а с ним три года, считай, бок о бок прожил. В этом же доме. Я у себя, при рации. А он – в том вон углу его койка стояла, за фанерной отгородкой, вы её разломали, когда верстак под свою лабораторию делали.

– У начальника партии не было своей комнаты?

– А откуда бы её взять? В каждом доме людей было что селедок. Триста пятьдесят человек работали, представьте-ка! Это мы сейчас, как князья. А тогда чуть ли не вповалку спали. В той комнате, где вы с Хазановым разместились, производственный отдел жил. В той, где я и Задонский, – бурмастера. Где журналист и ревизор – геологи. А в той, где студентка, механики. Такие

жеребцы были, весь дом голыми бабами залепили, фигуристками, и сейчас вон висят... Пойду, однако. Запрос Игоря Константиновича и вашу радиограмму я передал. Ложиться надумаете, дровишек подкиньте. И лампу задуйте, чего керосин жечь!

– Скажите, Мартыныч, вы вообще никому не доверяете? Или только мне?

– Почему, доверяю. Если вообще никому не доверять, нужно одному жить. Про вас я, Андрей Павлович, ничего такого не знаю, чтобы не доверять. Но и ничего такого, чтобы доверять, тоже. Да и сами-то вы – не захотели же сказать, чего вы тут ищите и зачем вам знать, что за человек Шубин.

– Не захотел? Нет. Всё – догадки, и только. Когда здесь работы прекратили – летом, зимой?

– В конце ноября. Как на Талнахе разбурились, увидали, что руды много, так нас и прикрыли.

– Холодно было?

– Не так холодно, как мело. И сильно, хорошо помню. На двор, бывало, надо – прямо беда. Зима в тот год выдающаяся была, циклон за циклоном. Когда решение о консервации Имангды вышло, нас всех за полдня вертолётами в город перебросили, синоптики всего на неполные сутки окно дали. А бурстанки уже потом, по весне, тракторами утаскивали.

– Кто руководил вывозкой – Шубин?

– Нет, он к весне уже начальником экспедиции стал. Прежнее начальство-то поразъехалось. Кого на повышение взяли, кто премию за Талнах получил, на материк подался. В Тюмень, на нефть, много наших уехало. Вот Шубина и поставили, человек опытный. И вроде как бы для утешения: работал, работал, а вот поди ж ты, не повезло.

– Значит, с тех пор он здесь не был?

– С тех пор здесь никто не был. Разве что шатун какой забредал. Андрей Павлович, если бы документы с той буровой отыскались... это я так, к примеру... зачем они вам?

– Честно говоря, над этим я как-то не думал. Ситуация заинтересовало меня так, чисто теоретически.

– Ну, подумайте. Сбили мы разговорами сон. Пойду послушаю, что там в эфире...

VII

– Подожди, выгляну... Никого. Наконец-то разошлись!.. Сейчас я зажгу лампу... Как смешно ты моргаешь!.. Ну, здравствуй, Ольга!

– Здравствуй... Игорь Хазанов!

– Просто Игорь. А теперь зайди в свою комнату и выйди.

– Зачем?

– Делай, что говорю!

– Ну? Вышла.

– Это вы, Ольга? Тоже не спите? Какая приятная неожиданность!

– Ты что, заболел?

– Да, в такую ночь жалко тратить время на сон! Суровая северная природа охвачено ощущением близкой весны, всё замерло в ожидании, когда первый луч солнца из-за чего-то там высунется! Присаживайтесь, давайте вместе встретим этот дивный момент!.. Вот теперь можно разговаривать нормально. Что же ты? Проходи.

– Ты ведёшь себя, как школьник.

– Не всегда. Или правильнее сказать – не во всём?

– Не везде. Достань чего-нибудь пожевать.

– Осмелюсь предложить, держим только для ценителей – тушёнка свиная!.. Чёрт, банки смазаны, как снаряды. Подстели что-нибудь.

– Светает... Жутко всё-таки: эта улица без единого следа, доски на окнах... О чём они разговаривали – ветер, ёжики какие-то, Шубин?

– Не прислушивался. У меня было более интересное занятие.

– О, Господи! Здравствуй, Хазанов!

– Игорь. Просто Игорь.

– Хазанов!.. Убери, пожалуйста, руки.

– Ты хочешь сказать, что для просто Игоря мы ещё недостаточно близко знакомы?

– Да нет же!.. Я хочу сказать... хочу напомнить тебе, что мы давно уже не в Ленинграде, что нет факультета, зрителей и зрительниц, что мы почти одни на краю земли, в этом Богом и людьми забытом посёлке. И тебе уже не нужно быть остроумным и блистательным Хазановым. Даже передо мной. А теперь поцелуй меня и не будем больше об этом.

– Подожди, мне нужно подумать. Хорошенького ты обо мне мнения! А если нет? Если тот блистательный, как ты сказала, Хазанов это и есть я?

– Плохо, милый. Значит, я очень ошиблась.

– Послушай, ты всё перепутала. Это же обычно наоборот: сначала узнают человека, про-веряют – хорош ли, достоин ли... И только потом...

– Так распределяют премии. И ценные подарки. А я не подарок.

– Это я уже понял. Ну, а каким бы ты хотела увидеть меня?

– «Заполярная правда».

– Что?

– Газета. «Новости навигации...» «Месячник по озеленению...» Анонс: «Десять дней одного года». Ничего себе анонс, я ещё в школу ходила.

– Ты не ответила на мой вопрос.

– Отвечу, потом... «Увеличить выпуск цветных металлов» – отчёт о партийно-хозяйственном активе.

– Очень оптимистический лозунг! Особенно если учесть, что в то время комбинат был на грани консервации. А с ним и город. Какой это год? Ну, правильно. Тогда это называлось «замораживание производства на прежнем уровне». Ешь, чего ты ждёшь?

- Вилку.
- Пардон, мадам. Держи.
- Спасибо. Консервация свинины – куда ни шло. А как можно законсервировать город?
- Было бы желание! Так же, как этот посёлок. Доски крест-накрест на окна и будьте здоровы.
- Бросовый ход. Как нам объясняли на лекциях...
- Если ты такая отличница, то должна знать, что бросовый ход – это поиск, давший отрицательный результат. Девять скважин показали руду, десятую и бурить толком не начали – о каком отрицательном результате может идти речь?
- Почему же прекратили работы?
- По официальной версии – нерентабельно. Строить на Талнахе двухкилометровой глубины рудники рентабельно, а брать здесь руду открытым способом невыгодно. Далеко, видите ли, от города. Положить сто двадцать километров дороги – такая уж неразрешимая сложность!
- Ты считаешь, что прекращение здесь работ было ошибкой?
- Ошибка – это когда человек выбрал не ту профессию, женился не на той, доверился не тому. А когда речь идёт о таком пустячке, как месторождение сверхдефицитных цветных металлов и о таких средствах, которые на этом можно выиграть, не знаю, можно ли это назвать просто ошибкой!.. Тебе мама никогда не говорила, что нехорошо читать за едой?
- И в постели. Чтобы слышать это пореже, я и выбрала геологический факультет...
Смотри-ка – про нас!
- Вот как – в газете десятилетней давности?
- Про Имангду. «Далеко в тундре ведёт разведку рудоносной энтузиастов коллектив геологов-буровиков, которым руководит Владимир Семенович Шубин. Результаты бурения позволяют с уверенностью говорить, что металлурги нашего комбината скоро получают ключи от богатых подземных кладовых природы. На снимке: В.С.Шубин осматривает керн, только что поднятый из глубин земли...» Какой он здесь молодой!.. Осторожно, в масле.
- Очень поучительно. Тот, кто стремится к славе, должен помнить, что газетой с его физиономией могут вытереть консервную банку. Или ещё что-нибудь, не такое приличное... Хотел бы я знать, из какой скважины этот керн! Где ты взяла газету?
- В углу, там ещё много. Зачем ты их тащишь на стол? Хотя бы встряхни, пыли там, наверное, за столько-то лет!
- Смотри, вот ещё про Имангду. «Закончено бурение разведочной скважины Т-3, вскрыт перспективный пласт...» И вот: «Вести из тундры. На Имангде керны с высоким содержанием меди и никеля принесли ещё две буровые скважины...» И здесь!..
- Знаменитое, оказывается, было место. Почти в каждом номере.
- До Талнаха это было единственной надеждой города. Обрати внимание на тон сообщений: «богатые подземные кладовые», «керны с высоким содержанием меди и никеля». И так легко отступить!
- Ты говоришь про Шубина?
- Не только. Не он один принимал это решение.
- Послушай, Игорь... та скважина, дальняя... почему она тебя так заинтересовала?
- Потому что она ключевая. Если бы я задался целью проверить, с чем имею дело, с рудным телом или со случайными вкраплениями руды, я поставил бы скважину именно там. Так поступил бы любой элементарно грамотный геолог. И надо же, что документов как раз этой скважины нет!
- Но, может быть, она не показала руду?
- Объясняю научно: этого не может быть. Всё сходится: геофизические показания, идентичность структур с богатейшими месторождениями Канады. Был такой учёный Неверов, он предсказал Талнах. Он же предположил, что Имангда может быть продолжением Талнаха. Мне

говорили, он очень интересовался Имангдой, даже приезжал сюда. Если здесь нет руды, то геология как наука ничего не стоит. А я ничего не стою как геолог. Это во-первых. А во-вторых, документы всё равно должны быть. Завтра на многие вопросы я смогу ответить точнее. Вернее, уже сегодня.

– Ты снова – туда? Но ведь из фондов ещё не ответили на твой последний запрос.

– Да я заранее могу сказать, что будет в радиограмме. Документы утеряны во время эвакуации партии. Вертолёт разбился. Или пожар. Что-нибудь в этом роде... Но, может, мы оставим в покое дела? В такую-то ночь!.. Кстати, не хочешь прогуляться со мной? Очень оригинальное свадебное путешествие – полсотни километров на лыжах по весенней тундре.

– Нет. Прогуляешься с Задонским... Хороший ты парень, Игорь Хазанов. Смелый, сильный, решительный. И вроде бы даже умный. Правда, не Грегори Пек...

– Ну, ты тоже не Софи Лорен.

– Когда наши девчонки узнали, что мне отсюда пришёл вызов, чуть не поумирали от зависти.

– Я рад, что тебе нравится твоя преддипломная практика.

– Разве я сказала, что она мне нравится?.. Не трогай меня.

– Не нравится? Что?

– Ты, милый.

– Ну и логика у тебя! Может, объяснишь, в чём дело?

– Сейчас объясню. Так у тебя, говоришь, было много женщин?

– Не помню, чтобы ты меня об этом спрашивала.

– Теперь спрашиваю.

– На этот вопрос всегда отвечают одинаково. У меня было много женщин, но люблю я только тебя.

– Ах-ах!.. Так вот, хочешь знать, что я думаю по этому поводу?

– Интересно.

– Я думаю, что у тебя было гораздо меньше женщин, чем тебе этого хотелось бы. И чем ты стараешься это показать.

– Так. Подумал. Можно спросить, как ты пришла к этому выводу?

– Это же так просто! Посмотри на себя – победитель! Какие уж разговоры о делах, в такую-то ночь!.. Пойду, а то поссоримся. Спокойной ночи. Желаю тебе приятно встретить тот дивный момент, когда высунется первый луч солнца.

– Подожди. Я не хотел тебя обидеть.

– Ещё бы хотел, только этого и не хватало!

– Не уходи. Ты права. Знаешь, у меня в самом деле плохо всегда получалось. С женщинами. Ты первая, когда мне не хочется тут же сбежать и вымарать телефон так, чтобы не разобрат. Я часто мечтал, чтобы так – свободно, гордо... Так, как пришла ко мне ты. Ты права, донжуан из меня никудышный. С каких пор это стало пороком?

– Это достоинство. И довольно редкое по нашим-то временам!.. Откровенность за откровенность. Хочешь знать, каким бы я хотела тебя увидеть? Только это не очень приятно, заранее предупреждаю.

– Чего уж там. Чуть больше, чуть меньше. Выкладывай.

– Жалким, побеждённым. Несчастливым.

– Да, в такую ночь жалко тратить время на сон! Представляю, что бы ты сказала, если бы увидела меня таким.

– Я сказала бы: «Здравствуй, Игорь...» Удачного маршрута. Я буду ждать тебя... Игорь Хазанов!..

VIII

Егоров рассчитывал провести на Макусе всего день, переночевать там и утром вернуться в посёлок на Имангде. Но ночью погода испортилась, задуло так, что гудело в печной трубе. Ездовые собаки повизгивали в сенях. За ночь избу завалило снегом до окон, дверь удалось открыть с трудом. Снаружи ничего не было видно в трёх шагах, снег уже не падал с неба, а носился над тундрой широкими кругами.

– Это не надолго, – объяснил Эрик Саулис. – На неделю, не больше. Это в феврале, бывает, метет по месяцу.

Он был высокий, крепкого телосложения, с рыжеватой бородой и светлыми голубыми глазами. К своей работе относился очень серьёзно, дважды в день выходил в снежную замять, ручным ареометром измерял скорость ветра, мерной рейкой глубину снежного покрова. Все данные записывал в журнал, а потом по рации передавал их на Имангду. Рация была мало-мощная, слышимость плохая. Саулис повторял сообщения по несколько раз и уходил со связи только тогда, когда убеждался, что всё понято правильно. Всё свободное от мелких хозяйственных дел время молча лежал на койке, заложив руки за голову и глядя в потолок. На расспросы Егорова отвечал односложно и словно бы неохотно, но не потому, что ему было что скрывать, а от природной неразговорчивости.

Егоров знал, что он получил шесть лет за злостное хулиганство, из них отсидел три и вышел условно-досрочно.

– Сидел-то где? – полюбопытствовал он. – В Норильске лагерей нет.

– Под Красноярском.

– До этого кем работал?

– Бульдозеристом на Медном заводе.

– Почему туда не вернулся?

– Побоялся. Я по пьянке дурной. Сорвусь и снова в лагерь, ещё на три года. А здесь не сорвусь, не с чего.

– Но спирт-то привозят, – напомнил Егоров.

– Сколько там его привозят, на раз поддать. Через год срок кончится, судимость снимут, тогда, может, и вернусь.

– А как ты в Норильске оказался? Ты же латыш.

– Родителей перед войной выслали из Риги в Сибирь. Завербовались в Норильск. Здесь я родился.

– Родители живы?

– Вернулись в Ригу. Я не поехал. Чего мне там делать? Языка не знаю, платят мало.

Заговорился я с вами, пойду собак покормлю.

На второй день Егоров завёл разговор о том, что его интересовало.

– Неверов был старшим из гидрологов. По должности. Так?

– Ну? – подтвердил Саулис.

– Почему он жил на Макусе, а не на Имангде? Там удобнее, хорошая связь с городом.

– Народ там болтливый, а он этого не любил.

– Вы так и молчали целыми днями?

– Почему? Иногда разговаривали.

– Что он рассказывал о себе?

– Однажды сказал, что устал от Москвы. В другой раз заговорили о женщинах. Я ведь из-за бабы сел, подрался по пьянке. Он сказал, что женщины – это всегда испытание, мало кто его может выдержать. Сказал: я не смог.

– Почему?

– Не знаю. Больше мы об этом не говорили.
– Он что-нибудь писал?
– Было. В толстую такую тетрадку.
– Где эта тетрадка?
– Без понятия. Когда мы в тот день его нашли, ничего в избе не было.
– Письма он получал?
– С последним вертолётком получил письмо. Авиапочтой, из Красноярска.
– От кого?
– Я не спрашивал.
– Чем он вообще занимался целыми днями? Кроме метеонаблюдений?
– Ну чем? Читал, за рыбой ходил, на куропаток охотился. Ещё ездил на лыжах на какие-то старые буровые. Бывало, на целый день пропадал. Вообще-то нам не разрешают в одиночку уходить в тундру. Но он отмахивался: ничего со мной не случится. Да вот, случилось...

Егоров внимательно просмотрел три книги, присланные Нестерову с последним вертолётком. Одна была о теории математических игр, две другие о геофизике Таймырского полуострова. Никаких писем между страницами не оказалось.

Пурга закончилась через три дня. На четвёртое утро Егорова разбудила тишина. Так пассажир, спавший под перестук колёс, просыпается при остановке поезда. В трубе не гудело, оконце было освещено так, будто в стекло направили прожектор. Снаружи от солнца и сверкающего свежего снега резало глаза. Саулис уже встал, откапывал на метеоплощадке какие-то устройства. Вокруг него бегали собаки, купались в снегу.

– Жрать хотят, – озабоченно сказал Саулис. – А рыба кончается. Я сбегая на озеро, тут недалеко. Вы пока дома посидите. А хотите, вместе пойдём.

– Мне на Имангду пора, а то там меня уже потеряли.

– Одного не пушу, и не думайте, – запротестовал Саулис. – Если с вами что случится, мне не отболтаться. Мало мне было Вадима.

– А если ничего не поймаете?

– Как это не поймаю? – удивился Саулис.

До озера было километра два. Гидролог торил дорогу на коротких широких лыжах, подбитых оленьим мехом. Следом собаки тащили пустые нарты, проваливаясь до брюха в рыхлый глубокий снег. Последним шёл Егоров на длинных фабричных лыжах с мягкими креплениями. И хотя он за полторы недели прошёл с геологами не один десяток километров по твёрдому снежному насту, каждый шаг давался с трудом, он взмок и уже проклинал себя за решение сопроводить Саулиса.

Никаких признаков озера не было, но Саулис уверенно раскидал снег с небольшого возвышения. Под снегом оказались сосновые ветки, прикрывавшие круглую прорубь, затянутую тонким ледком. Саулис разбил лёд лыжной палкой и закинул в прорубь блесну. Не прошло и трёх минут, как из проруби высунулась рыба морда и полутораметровая щука забила на снегу. Всё это было мало похоже на рыбалку, как её представлял Егоров, любивший при случае посидеть с удочкой или покидать спиннинг на тундровых речках. Одну за другой гидролог деловито вытаскивал огромных щук из озера, как из садка. Некоторое время они бились, но быстро застывали, схваченные морозом. Потом Саулис сменил снасть. Объяснил Егорову:

– Это на окуня. Щуки собакам и на котлеты. А окуни на уху.

Ещё через час он покидал полтора десятка крупных окуней в мешок, погрузил щук на нарты, увязал их, как дрова. Егоров понял, что теперь рыбалка утратит для него всякую привлекательность.

Обратная дорога оказалась труднее. Собаки тащили тяжелые нарты, выбиваясь из сил, мордой к морде. Саулис подталкивал нарты сзади. У крыльца собаки легли на снег, высунув языки и тяжело дыша. Эти два километра вконец вымотали Егорова. Он чувствовал, что на

двадцать километров до Имангды его не хватит, и охотно согласился с предложением гидролога отложить возвращение в посёлок на завтра.

Вышли около полудня. Только часам к четырём впереди показались мёртвые дома Имангды. Егоров оглянулся. Их след, проторённый в глубоком рыхлом снегу, уходил далеко назад, терялся в распадках. Он был длинный, как жизнь.

Саулис свернул к избе гидрологов, а Егоров подъехал к своему дому. У крыльца сходились две лыжни, в сугробе торчали два коловорота, которыми бурили лёд на озерах. Значит, две группы уже вернулись из маршрутов, а третьей ещё не было. В доме было тепло, в буржуйке потрескивали дрова. В передней комнате начальник отряда Щукин колдовал у самодельного лабораторного станда: переливал из пластмассовых фляжек в бутылки пробы воды из разных озёр, наклеивал на бутылки этикетки, немного воды отливал в пробирки для анализа. Леонтьев пил чай и мучал «Спидолу», безуспешно пытаясь отстроить от глушилок «Голос Америки». Студентка на другом конце стола что-то писала, из комнаты Мартыныча доносился треск рации.

При появлении Егорова все оторвались от своих занятий. Он понял, что они кого-то ждали, но не его. Лишь Щукин заметил:

- Долго вас не было, мы уже начали беспокоиться.
- Мело, – объяснил Егоров. – А потом Саулис не отпустил одного.
- И правильно сделал, – одобрил Щукин.

Егоров не сразу понял, почему комната показалось ему необычной. В ней было светло, сквозь чистые стекла било закатное солнце.

- Помыли окно? – удивился он. – Это кто же такой хозяйственный?
- Ольга, – ответил Щукин. – Мы не догадались.
- Вот что значит женщина в доме!..

Егоров допивал вторую кружку чая, когда треск рации прекратился, вошел Мартыныч с листком радиограммы в руке. В ней было:

*ИМАНГДА, ГИДРОГЕОХИМИЧЕСКИЙ ОТРЯД ХАЗАНОВУ.
АРХИВЫ ПРОВЕРЕНЫ САМЫМ ТЩАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗОМ. В
УКАЗАННОМ ВАМИ КВАДРАТЕ НИКАКИЕ БУРОВЫЕ РАБОТЫ
ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ НАШЕЙ ЭКСПЕДИЦИИ НИКОГДА НЕ ВЕЛИСЬ.
ВОЗМОЖНО, ОБНАРУЖЕННАЯ ВАМИ СКВАЖИНА БЫЛА ПРОБУРЕНА
УГЛЕРАЗВЕДКОЙ ГЛАВСЕВМОРПУТИ В НАЧАЛЕ СОРОКОВЫХ
ГОДОВ. ВАШИ ЗАПРОСЫ СВИДЕТЕЛЬСТВУЮТ О НЕДОСТАТОЧНОМ
ЗНАКОМСТВЕ С АРХИВНЫМИ МАТЕРИАЛАМИ. ОБРАЩАЕМ ВАШЕ
ВНИМАНИЕ НА НЕОБХОДИМОСТЬ БОЛЕЕ ТЩАТЕЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ
К ПОЛЕВОМУ СЕЗОНУ. ЭКСПЕДИЦИЯ-ФОНДЫ.*

IX

– Как заметно прибавляются дни! Восемь вечера, а ещё светло. В Ленинграде тоже скоро белые ночи... Андрей Павлович, можно вас на секунду отвлечь от пробирок? Я правильно сформулировала тему? «К вопросу о применении гидрогеохимического метода для поиска полиметаллов в условиях вечномёрзлых грунтов. Отработка поисковых критериев».

– Напишите просто: «Применение метода». Для диплома достаточно. Когда будете готовить диссертацию, тогда и поставите «К вопросу». Или даже «Некоторые аспекты»... Интересно, догадается Игорь взять на той скважине пробу воды?

– Можете не сомневаться. Вас тоже заинтересовала та буровая?

– Да. Постольку поскольку любые новые данные могут быть полезны в нашей работе.

– А поскольку они могут быть полезны?

– При определенных условиях они дадут нам возможность проверить эффективность нашего метода...

– ...поиска полиметаллов в условиях вечномёрзлых грунтов. Интересно с вами разговаривать! Что это за определенные условия?

– Кроме пробы воды, нужно иметь и данные этой скважины по руде. Иначе с чем же сравнивать?

– Спасибо за консультацию... Идут! Слышите голоса? Леонтьев, выключите «Спидолу»!.. Нет, показалось... Так, географическое положение и геологические особенности региона – это у меня есть. Перспективы... Ладно, хватит на сегодня... Что нового в эфире, Мартыныч?

– Обстановка на Ближнем Востоке опять обостряется.

– Какой ужас! А если кризис?

– Типун тебе на язык! Вот дурочка малохольная, ещё и смеётся!

– Не сердитесь, Мартыныч. Это я плачу, а не смеюсь. Просто у меня перепутаны все реакции. А вас, Андрей Павлович, обстановка на Ближнем Востоке, похоже, не очень волнует?

– Не настолько, чтобы плакать. Или смеяться.

– Значит, вы верите в здравый смысл человечества? Или как правильнее сказать – в коллективный разум?

– Разумеется. А вы – нет?

– Рада бы. Но мало для этого оснований... Чему вы усмехаетесь?

– Вы давно знакомы с Хазановым?

– Я с ним пять лет. Когда я поступила, он был уже на третьем курсе. А он со мной год, нас познакомили прошлой весной. Он прилетел в отпуск, зашёл к нам на кафедру. Какое отношение он имеет к нашему разговору?

– Вам не хватает его безапелляционности. У него такие тексты получаются убедительней.

– Значит, я говорю с чужих слов? Очень мило. Но я и сама так думаю!

– Как же вы живёте?

– Что вы имеете в виду?

– Но если бы я не верил в здравый смысл человечества, мне только и оставалось бы думать о войне. О третьей мировой, как это вытекает из расстановки сил. Не знаю, какие нервы нужно иметь, чтобы при этом человека хватало и на дела обычные. Тогда уж нужно пойти и застрелиться. Или водку пить. Извините, Ольга, но я не очень доверяю тем, кто говорит так, как вы. Особенно когда в перерывах между этими разговорами строят кооперативные квартиры, заводят детей. Или заканчивают университет.

– Схлопотала, девка? Вот так тебе, балаболка, и надо! В другой раз подумаешь раньше чем языком трепать!.. Эй, ты куда?

– Пойду и застрелюсь, что мне ещё остаётся?.. Опять вы, Мартыныч, куда-то ракетницу засунули!

– Разуй глаза, всё на месте. И вешай туда же, чтоб всегда под рукой была. А заряды бери которые с зеленой маркировкой... Ну, пошла пулять!

– Обиделась.

– Да нет, просто беспокоится за своим парнем... Ишь, переводит ракеты почём зря. Весна, никаких тебе пург. Вот зимой здесь бывало!.. Ну, ответили? Дверь закрывай плотней, а то дует.

– Чем бы? Он никогда не берёт ракетницу, лишняя тяжесть.

– Геолог! Тушёнки им, так и быть, заделаю с макаронами. Умаются, маршрут большой.

– Странный какой свет у этих ракет. Зеленый, безжизненный. И дома стоят – зловещие, мёртвые. Красных не осталось, Мартыныч?

– Штук десять всего. Пусть полежат на крайний случай, вдруг тревога какая... Ты бы, чем задницу у печки греть, помогла бы начальнику.

– Андрей Павлович, почему вы на меня так... посматриваете?

– Как?.. Нет, те бутылки не трогайте. Складывайте в ящики только опробованные, с этикетками.

– Не знаю. С сочувствием?

– Иногда вы напоминаете мне жену.

– Она бросила вас? Нет? Вы её? Господи, какая же я дура! Она же присылала вам радиogramму, что заканчивает какие-то дела и скоро приедет... Мартыныч!.. Алло, Мартыныч, где вы там? Приём!

– Чего тебе?

– Что вы сказали про волдырь на языке?

– Типун?

– Да. «Типун тебе на язык, малохольная идиотка!» Андрей Павлович, вы это хотели сказать?

– А вы не хотите узнать, чем иногда вы напоминаете мне жену?

– Стремлением казаться умней, чем есть?

– Когда её что-то тревожит... очень тревожит... она становится такой же балаболкой.

– Она красивая?

– Не знаю.

– Как это не знаете? Это же так просто. Она похожа на Софи Лорен?

– Нет. Она похожа на себя... Что там за шум?

– Наши?.. Так и есть. Явление Хазанова народу! Привет! Почему так поздно? Зачем ты притащил этот ящик?

– Не всё сразу, дай отдышаться. Мартыныч, связь была? Есть что-нибудь для меня?

– На столе радиogramма. А где мальй?

– Пристрелил я его, надоел своим бухтеньем... Плетётся... Так... «Никакие работы... никогда не велись». Мыши, значит, эту скважину прогрызли... «Углеразведкой Главсевморпути в начале сороковых годов...» Гениально. А их архивы погибли во время войны. Учись, студентка! А ты говорила – подождать, что ответят!.. «Обращаем ваше внимание...» Вот наглецы, ещё и выговор мне вкатили! Ничего, я им это припомню!.. Что у нас на ужин? Макароны с тушёнкой? Блеск! Мартыныч, выходите за меня замуж!

– Свеж, победителен. Можно подумать, что явился не из маршрута, а после увеселительной прогулки.

– Почему я должен быть хмурым? Солнце, весна!.. А ты уже принялась за отчёт? Умница, всё нужно делать заблаговременно.

– Перспективы Имангды – что здесь писать?

– Всё объясню, только не торопись... А вот и Задонский! Живуч!.. Разрешите представить вам великого рационализатора! Знаете, что он сегодня мне предложил? «А на хрена, – говорит, – Игорь Константинович, будем мы кругалю по всем озерам давать? Наберем фляжки в одном, а сами поохотимся, пока куропатки в сопки не ушли». Знаешь. Задонский, какое правило есть в геологии? Если увидишь змею и рационализатора, сначала убей змею.

– А рационализатора?

– Андрей, объясните своему подчинённому, как поступают с рационализатором.

– Объясню. Досадно, что я не догадался сделать этого раньше.

– А чего? Вода и вода, озера-то рядом. Если бы озеро и море – другое дело. А так только попусту ноги бьём.

– Андрей, у меня к вам просьба. Сделайте анализ, прямо сейчас. Это из озера возле той скважины. Поточней, насколько позволит ваша методика. Задонский, достань пробу, она в желтой фляжке.

– Дайте хоть покурить! Только и слышишь – быстрее-быстрее! Ему хорошо, не курит. Посидел и побежал себе. А во мне весу, считай, на полтора пуда больше. Ввязался я в эту геологию, чаю спокойно попить не дадут! Тоже мне геология, гитары даже нету! У нас в колхозе и то веселей было.

– Побухти ещё! Сделай что сказано, а потом кури и слушай лекцию о сущности гидро-геохимического метода. А я пока, с вашего позволения, переоденусь...

– Во – и пошёл! И так всегда, всё шуточки... Вот так номер! А где же...

– Что там у вас, Задонский? Желтую флягу не можете найти?

– Флягу-то я нашёл, только... А, чего там! Держите пробирку, Андрей Палыч.

– Вам не помешает, пока вы ужинаете, если я расскажу, чем мы здесь занимаемся?

– Валяйте.

– Наш метод основан на том, что все металлы обладают способностью растворяться в воде. Ржавую воду пили?

– Что я – дурак?

– Я говорю о воде, а не о вашем отношении к ней. Она потому и ржавая, что в ней растворено железо. То же с другими металлами – никель, медь, кобальт, даже золото. Странные реакции у этой пробы!.. А теперь представьте, что мы взяли воду из двух соседних озёр и выяснили, что в одной из проб содержание микроэлементов никеля в несколько раз выше, чем в другой. Что это будет означать?

– Что там никель?

– Верно. Есть вероятность, что питательные источники этого озера где-то соприкасаются с породами, содержащими никель. Теперь вы понимаете, почему нужно брать пробы из каждого озера?.. Очень странно!..

– Ну что, Андрей, закончили?

– Потерпите, Игорь, сейчас я повторю анализ. Совершенно нестандартные реакции у этой пробы.

– Андрей Палыч, и всё это вы сами придумали?

– Нет, принцип известен давно. Просто я пытаюсь приложить его к конкретной задаче... Что вас, Игорь, развеселило?

– Мне казалось, что в современной химии есть более совершенные методы анализа, чем пробовать препарат на язык.

– Иногда и это помогает... Да, так я и думал. Уважаемый Игорь Константинович, примите мои поздравления. Если анализ меня не обманывает, вы открыли месторождение воистину уникальное...

– Так, минутку! Ольга, на чём ты застряла в своём отчёте? Перспективы Имангды? Пиши: «Таким образом, в свете полученных данных...» Цифра поставишь потом. «Перспективные

оценки Имангдинского месторождения нуждаются в коренном пересмотре...» Гордись, Задонский! Рудник здесь будет, обогатительная фабрика, посёлок. Не такой, как сейчас. Настоящий!

– Во даёт! Андрей Палыч, с чего это он так завёлся?

– Давайте послушаем. Такой разговор рано или поздно должен быть состояться. Как я понимаю, Игорь, вы исходите из того, что та дальняя скважина пробурена партией Шубина?

– Посмотрите на этот ящик. Углеразведка Главсморпути – очень остроумно. И даже убедительно. Для тех, кто не знает, что они от побережья не уходили. Видите надпись? «Спецпартия Шубина». Мартыныч, вам знакомы такие ящики?

– Как же, видал. В таких ящиках нам присылали запчасти, их полно возле каждой буровой.

– Но этот я принёс оттуда. Ещё вопросы?

– Если всё это так, где же техническая документация скважины?

– Я ждал этого вопроса. Чтобы ответить, нужен небольшой психологический экскурс. Представьте, Андрей, что вы Шубин. Металлурги требуют руду, быстрее, как можно быстрее. Комбинат задыхается на старом сырье, себестоимость бешеная, дешевле покупать никель за границей. И ваша скважина, ключевая, решающая, подсекает рудную жилу. Вы ликуете. Вот та удача, которая столько лет от вас ускользала!.. Мартыныч, какое настроение было у Шубина, когда он здесь работал? Ждал небось жилу?

– Было – ждал. И обнадеживал – есть руда.

– Вот видите! И тут Талнах. Какая-то сиротская партия, на которую никто серьезно не рассчитывал, вдруг натывается на рудное тело невиданной мощности. Ставят рядом другую скважину – ещё больше! И так далее. Сразу перед комбинатом встаёт вопрос: на чём остановить выбор, куда бросить средства и оборудование? Имангда – надёжно, содержание металла не такое ошеломляющее, но вполне достаточное. И руду можно брать открытым способом, не строить километровой глубины рудники. Но Талнах – рядом с городом, руда богатейшая. И Имангда консервируется. А что бы вы сделали на месте Шубина?

– Подготовил бы какие-то итоговые данные и представил на техсовет комбината. Или кто там должен был решать этот вопрос?

– Вы никогда не сделаете карьеры. Что значит подготовить такие данные? Значит, нужно их защищать, доказывать, что Имангда экономически целесообразней. То есть ссориться с большим начальством, для которого Талнах – «самое-самое», «жемчужина Заполярья», как тогда говорили. И тут Шубин делает гениальный ход! Догадались?

– Нет.

– Подумайте, это же очень просто! Вы – Шубин. Вам пятьдесят, вы давно уже поняли, что Отто Юльевича Шмидта из вас не выйдет, и ваша цель – карьера, просто карьера! Ну? Придётся подсказать. Вы скрываете данные ключевой скважины!

– Каким образом? И зачем?

– При той суматохе, которая здесь в то время царил, особого труда это не составило. Просто не включил скважину в объём работ. Кому тут было его контролировать?.. А зачем... Он рассуждал так. Если Талнах окажется мыльным пузырьком, шум быстро утихнет, и Имангда будет доразведана под его, естественно, руководством. А если Талнах действительно жемчужина Заполярья, спорить тем более глупо. Расчёт оказался точным. В ноябре партия была ликвидирована, а уже в мае следующего года Шубин становится начальником экспедиции. А дальше всё просто: засылаем отряды к Ледовитому океану, организуем гидрогеохимические партии, группы математического анализа – в ногу с веком шагаем! А между тем десять лет вкладываем в Талнах бешеные деньги, потому что заикнуться об Имангде значит признаться в собственном... Даже не знаю, как это назвать. Считайте сами. Пусть даже десять миллионов стоили бы эти сто двадцать километров дороги. Ещё миллионов сорок – вскрыть рудное тело и обустроить инфраструктуру. Пятьдесят миллионов максимум. А на Талнахе проектная сто-

имость первого рудника «Маяк» была шестьдесят миллионов рублей, второго, «Комсомольского», около двухсот, а сейчас и третий собираются строить, «Октябрьский», тоже миллионов на двести. Двести минус пятьдесят – сто пятьдесят миллионов рублей. Вот во что обходится это... Нашли вы какое-нибудь определение?

– Да. Преступление.

– Ольга, добавь: «Первостепенная важность работ по доразведке Имангды диктуется необходимостью... крайней необходимостью ввести в строй это месторождения вместо планируемого третьего рудника на Талнахе...» Так обстоят дела, Андрей. Я понимаю, что вы заинтересованы в том, чтобы закончить проверку вашего метода, но сейчас это должно уйти на второй план. Время дорого. Нужно подготовить отчёт нашего отряда так, чтобы выходить с ним сразу на техсовет комбината. Или даже на министерство. Решение о строительстве «Октябрьского» вот-вот утвердят и тогда бороться будет гораздо трудней. Могу я на вас рассчитывать?

– Можете. Но сначала нужно убедиться, что руда здесь действительно есть. В ваших рассуждениях, Игорь, очень важный пробел. Вы исходите из того, что ключевая скважина показала руду...

– Ну да, показала руду. А что ещё она могла показать? Центр интрузии. При всём моём не слишком почтительном отношении к вашему методу – чего-то он всё-таки стоит?

– Метод не вызывает сомнения. Но...

– Что за чёрт? Вы же сами сказали – уникальное месторождение!

– Дослушайте, пожалуйста. Мне очень неудобно, Игорь, но вы оказались спровоцированным на этот разговор. Я дважды проверил пробу и дважды получил одинаковый результат. Я так и понял, что это шутка вашего напарника по маршруту...

– Шутка? Чья – Задонского? Что вы этим хотите сказать?

– Судя по анализу, вы открыли действительно необычное месторождение – сахара.

– Какого сахара? Да говорите же толком!

– Обыкновенного сахара. Задонский, судя по всему, плеснул в пробирку сиропа из своей кружки. Продолжая розыгрыш, я хотел сказать, что вам остаётся найти кисельные берега. Боюсь, мне не стоило поддерживать эту шутку... А теперь, Задонский, давайте настоящую пробу.

– Дак нету её, Андрей Палыч.

– Как нету?

– Да вот – видите? Пролилась, пока нёс. Пробку плохо завернул. Я ж не нарочно.

– Игорь!.. Игорь, не смей!..

– Ты... вы... Ты чего?! По морде драться?! Ну, геолог! Сейчас ты поимеешь бледный вид!

– Стой на месте, пристрелю, как собаку!..

Разбуженный громкими голосами, из своей комнаты вышел Егоров и остановился на пороге, с удивлением глядя на открывшуюся перед ним картину. Комната была освещена двумя лампами-трёхлинейками. Посередине комнаты в воинственных позах стояли Хазанов и Задонский, направив друг на друга охотничьи карабины. Между ними металась Ольга. Щукин сидел за своим стендом, Леонтьев за столом, а Мартыныч, подкладываявший дрова в буржуйку, так и остался у печки.

– Что у вас тут происходит? – поинтересовался Егоров. Ему никто не ответил, он оказался в роли стороннего наблюдателя.

Х

– Прекратите!.. Игорь!.. Задонский!.. Положите ружья, я кому сказала!.. Андрей Павлович, что же вы сидите?

– А что я, по-вашему, должен делать?

– Остановите их, они же перестреляют друг друга!.. Мартыныч!

– Не мешай. А то в переполохе и вправду выпалят. Пусть себе!

– Но они же...

– Это не так-то просто!.. Ну чего вы ждёте? Цельтесь, стреляйте. Команду подать?.. Тогда поставьте карабины на место. Игрушку нашли!.. Я кому говорю?.. Так-то лучше. А ты боялась – перестреляют. Сопля тонка. Это не куропатку срезать. Кому в жизни приходилось в живого человека стрелять, тот знает, что это такое... И не трогать больше оружия. Кулаками обходиться... петухи!..

– А вы, Андрей Павлович, почему так спокойны? У вас в московском НИИ тоже были приняты такие шутки?

– Ты чего, девка, сдурела? На человека кидаешься!

– Не обращайтесь внимания, Мартыныч, это у неё нервное. Нет, Ольга, такие шутки в нашем институте не были приняты. Честно сказать, я просто растерялся. Я и сейчас в растерянности, потому что этот эпизод, как я понимаю, требует моей реакции в качестве начальника отряда... Досадно, что гидропроба пролилась. Очень досадно...

– Ты, первопроходец! Завтра пойдёшь туда и принесёшь новую!

– С маком тебе – во, видал? Вот такую! Я больше вообще у вас не работаю, хватит с меня геологии!.. Дай листик, студентка, заявление написать...

– Баба с возу, кобыле легче.

– Не думаю, Игорь Константинович, что это пословица здесь уместна.

– Вот, Андрей Палыч, держите!

– «Начальнику отряда Щукину от коллектора Задонского Григория Петровича. Заявление. Прошу дать мне расчет, потому что нет такого закона, чтобы подчинённых по морде бить. Я вам не Ванька Жуков. К сему Задонский...» Игорь Константинович, это совсем не смешно. Вам следовало бы извиниться перед Григорием Петровичем.

– Теперь вы шутите?

– Отказываетесь? Это ставит меня в затруднительное положение.

– А вы загляните в «Инструкцию по проведению геологоразведочных работ», там обо всём сказано!

– Спасибо за совет. Ольга, дайте мне «Инструкцию»... Часть первая. «Руководитель геологического подразделения обязан...» Организовывать... обеспечивать... контролировать... «Имеет право...» Нанимать и увольнять сезонных рабочих... При перебазировке и прочих срочных работах...» Не то. Часть четвёртая. «При полевых изысканиях в отдалённых и малонаселённых работах...» Это ближе. Так, «техника безопасности...» «система связи...» А вот этого я не знал. Параграф двадцать шестой. «При наличии двух свидетелей имеет право выдавать временные свидетельства о браке, каковые в дальнейшем...» Но в брак здесь никто не собирается вступать? Это было бы куда приятнее!.. Примечание: «При разрешении прочих конфликтов руководитель подразделения обязан руководствоваться установлениями республиканских кодексов, а также общепринятыми правилами и моральными нормами». Это подходит. Игорь Константинович, я вынужден настаивать на том, чтобы вы извинились перед Задонским. Его проступок несоизмерим с вашим.

– Нужны мне его извинения!

– Причём в такой форме, чтобы ваши извинения были приняты. Я говорю это официально.

– Для полной официальности направьте мне ноту.

– В таком случае я вынужден отстранить вас от работы.

– А как вы это себе представляете?

– Ольга, дайте и мне листок!.. Сейчас двадцать один сорок. Мартыныч, отправите эту радиограмму во время ночного сеанса связи.

– Можно прочесть, Андрей Павлович? Я сегодня в роли секретарши... «Начальнику экспедиции Шубину. Довожу до вашего сведения, что за грубое нарушение дисциплины, выразившееся в нанесении пощечины рабочему Задонскому, мной отстранён от работы геолог Хазанов. Начальник гидрогеохимического отряда Шукин». Мартыныч, вы это не отправите!

– Ольга, я прошу вас не вмешиваться в мои распоряжения.

– Поздравляю, Андрей. Значит, вы сделали выбор?

– Между вами и Задонским? Да. Геологическое обоснование отчёта мне подготовит в техотделе. Осенью, когда мы вернёмся в город. А если сейчас мы останемся без коллектора, вся работа пойдёт насмарку. Когда нас выбросят на самостоятельные изыскания, поздно будет заниматься отработкой поисковых критериев. В этой ситуации считаться с вашим самолюбием я не имею права. Да и желания тоже.

– Речь о другом выборе – между мной и Шубиным. Неужели вы не понимаете, что ваша радиограмма это то, о чём он мечтает? Основание, по которому он уволит меня без всяких осложнений. Три года я мозолю ему глаза с Имангдой, четыре раза подавал заявки на возобновление здесь разведочного бурения. И никак не мог понять, почему от меня отмахиваются, как от назойливой мухи. И теперь такого случая он не упустит!

– И вы всё же отказываетесь извиниться?

– Тем самым я помогаю вам определить свою позицию.

– Григорий Петрович, я вас очень прошу забыть эпизод, который здесь произошёл. Я приношу вам свои извинения за поведение моего коллеги, которое не имеет никаких оправданий. Вы меня очень обяжете, если удовлетворитесь моими извинениями.

– Да ладно, Андрей Пальч, чего там! Порвите заявление. Только в маршруты с ним я больше не ходок, пусть один ходит!

– Уладим, будете ходить в паре со мной или с Ольгой. Очень вам благодарен. Мартыныч, не нужно отправлять радиограмму.

– Вероятно, Андрей, я тоже должен вас поблагодарить?

– Мне не нужна ваша благодарность.

– Не навязываюсь. Но главный вопрос так и не решен. Судя по вашему тону, вы не поддерживаете меня в требовании возобновить здесь разведочное бурение, причём в самом срочном порядке?

– Пока у меня для этого нет никаких оснований.

– Значит, я снова остаюсь в одиночестве. И Шубин по-прежнему будет отмахиваться от моих проектов. А время уходит. Что ж, придётся кончать с Шубиным, у меня просто нет другого выхода. Ольга, снабди и меня канцелярскими принадлежностями.

– Это прямо какой-то Союз писателей! Ты-то что пишешь?

– Минутку... Вот, можешь огласить.

– «Прокурору города Норильска...» Ого, это что-то новое!.. «Мной обнаружен факт серьезного должностного преступления, совершенного начальником Имангдинской партии среднего разведочного бурения Шубиным Владимиром Семеновичем, ныне начальником Норильской комплексной геологоразведочной экспедиции. Прошу прислать следователя для уточнения обстоятельств преступления. Геолог Хазанов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.